№ 411. 1855. 1 Августа.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ЗА ВОЛХОВЪ.

ГЛАВА I.

Пароходъ.

Въ половинѣ девятаго я былъ на Невской пристани. Пароходъ «Уранія», который долженъ былъ ровно въ девять часовъ отправиться въ Шлиссельбургъ, уже дымился, пыхтѣлъ и собирался съ силами. Прикащики и работники, съ ящиками, цибиками, узлами, уже суетились на палубѣ, и я, взойдя на нее, остановился у перилъ, чтобы разсмотрѣть своихъ спутниковъ. Общество было самое пестрое, но, несмотря на все свое разнообразіе, раздѣлялось рѣзко на двѣ категоріи: въ первой разно-

образіе цвѣтовъ было сильнѣе, но легкое преимущество оставалось за чернымъ; во второй владычествовалъ сѣрый. Лица первой категоріи, заплативши цѣлковый, чинно разсаживались по лавочкамъ кормы или пользовались правомъ спускаться въ каюту; сѣрые же мирно улегались на полу передней части парохода, укладывали головы на кулечки, на свернутые армяки или на колѣни своихъ сосѣдей и, заплативъ полтинникъ, мѣтили выспаться на цѣлковый. Вещи и товары горой навалены были по срединѣ парохода.

Колокольчикъ прозвенѣлъ во второй разъ; толпа провожавшихъ бросилась на берегъ, и пароходъ медленно отвалилъ. Пискливые и басистые «прощайте, до свиданія, adieu, leben sie wohl» — сыпались, на корму, тогда какъ на носъ парохода падали, какъ бомбы, увѣсистые поклоны Акулинѣ Савишнѣ, Марьѣ Трофимовнѣ, дядѣ Герасиму, на которые получались удовлетворительные отвѣты: «будемъ кланяться!» Наконецъ пароходъ отплылъ на такое разстояніе, что прощанья должны были умолкнуть, и провожавшіе начали расходиться съ пристани; только одинъ дюжій парень, безъ шапки, въ рубахѣ на распашку, не могъ оторвать глазъ отъ предмета своей дружбы — такого же дюжаго и такого же рыжаго дѣтины въ сѣромъ армякѣ. Парень на берегу истощилъ, казалось, всѣ прощальныя фразы и только махалъ рукою и грозилъ кулакомъ своему отъѣзжающему пріятелю; когда же

пароходъ былъ уже готовъ скрыться, онъ собралъ свои послѣдніе силы и гаркнулъ во всю мочь: Эхъ, Ванюха! прощай, прощай, разбойникъ! прощай...» Ванюха, въ отвѣтъ на любезность своего пріятеля, послалъ такую же любезность и, завернувшись въ армякъ, растянулся на полу, положивъ голову на ноги своего сосѣда, который уже храпѣлъ.

— Что это — братъ, что ли, тебя провожалъ? спросилъ я его.

— Братъ? какой братъ!

Такъ вы земляки?

— Ужъ и земляки!

— Изъ одной деревни?

— Какой изъ одной деревни? сказалъ онъ, махнулъ рукою и грустно понурилъ голову.

— Такъ что же онъ тебѣ? приставалъ я.

— Что онъ мнѣ? ничего! а такъ, вмѣстѣ кирпичъ дѣлали; ну и дѣлали, — а приведетъ ли Богъ свидѣться?

И парень повернулся; ему видимо было грустно.

Пароходъ выбрался на средину и пошелъ полнымъ ходомъ. Мѣрно колеблясь, дрожа и вздыхая, взбирался онъ вверхъ по теченію, сбивая въ пѣну спокойную поверхность Невы и оставляя за собой въ водѣ широкую, кипящую серебромъ, борозду, а въ воздухѣ — толстую, волнистую струю дыма. На кормѣ молчали и оглядывали другъ друга, на носу храпѣли, я смотрѣлъ на исчезающій Петербургъ. Широта рѣки быстро поглощала громадность

его зданій, и скоро онъ сталъ походить скорѣе на небольшой промышленный городъ, раскинутый по низменнымъ берегамъ прекраснаго озера, чѣмъ на пышную *Сѣверную Пальмиру*. Низменные, глинистые, темные, чуть-чуть взволнованные берега Невы обнажались болѣе и болѣе отъ зданій. Пошли фабрики, потомъ дачи, мелкіе лѣски; тамъ и сямъ — бѣдныя рыбацкія деревни и чистенькія нѣмецкія колоніи; только Нева оставалась по прежнему могуча, широка, по прежнему синя и полна до самыхъ краевъ; только она одна напоминала, что Петербургъ близко.

— А не правда ли, окрестности Петербурга очень грустны? проговорилъ кто-то басомъ возлѣ меня, такъ что я вздрогнулъ и оглянулся.

Сосѣдъ мой былъ мужчина лѣтъ сорока, краснощекій и довольно полный, въ бѣломъ пеньковомъ пальто и сѣрой широкополой шляпѣ, съ огромными усами, черезъ которые онъ пускалъ струйки табачнаго дыма изъ коротенькаго, дорожнаго чубука. Добродушное выраженіе его лица напоминало мнѣ моихъ знакомцевъ степныхъ помѣщиковъ, и мнѣ показалось, что я гдѣ-то его видѣлъ.

— Вы бывали въ Москвѣ? продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое молчаніе.

— Я прожилъ тамъ лѣтъ десять.

— Ну, не правда ли, какая огромная разница!

Я ожидалъ безконечнаго спора о преимуществахъ

обѣихъ столицъ; но собесѣдникъ мой, ничего не замѣчая, продолжалъ:

— То ли дѣло, какъ подъѣзжаешь къ Москвѣ! съ каждой верстой селъ все больше, храмы все лучше и древнѣе, жизнь роскошнѣе и раздольнѣе, веселые сельскіе ландшафты смѣняются быстро, и чувствуешь приближеніе къ центру русской жизни... А Москва-то, Москва! со всѣхъ сторонъ она обнимаетъ тебя, какъ мать родная! Какія дивныя панорамы! стоитъ только взойти на Поклонную гору!

— Петербургъ также имѣетъ свою Поклонную гору, сказалъ я, стараясь перебить восторженную рѣчь поклонника Москвы.

— Не эта ли, что по дорогѣ въ Парголово — эту петербургскую Швейцарію? Былъ я и тамъ; но не знаю, чему тамъ можно дивиться...

— Мнѣ кажется, я имѣлъ удовольствіе гдѣ-то встрѣчаться съ вами?

— Весьма вѣроятно.

— Да вы изъ какой губерніи?

— Пензенской.

— А! такъ мы земляки.

Мы сочлись своими, и открылось, что мы знакомы и даже почти родные. Я припомнилъ, что раза два видѣлъ Аркадія Петровича, а еще болѣе слышалъ о немъ. Это былъ страшный чудакъ, который въ молодости учился дѣльно, а потомъ сдѣлался степнымъ помѣщикомъ. Но ему не сидѣлось на мѣстѣ, и онъ безъ отдыху колесилъ по Россіи,

изъ одного края въ другой. Онъ вездѣ находилъ себѣ дѣло, всѣхъ распрашивалъ, во все вмѣшивался, и не было такого уголка русской жизни, въ которомъ бы онъ не побывалъ. Онъ что-то все записывалъ, собиралъ, но не напечаталъ еще ни одной строчки.

— Куда же вы теперь пробираетесь, Аркадій Петровичъ? спросилъ я своего собесѣдника: — или все еще продолжаете свое вѣчное путешествіе по Россіи?

— Да! и не намѣренъ никогда его кончить. Это совсѣмъ не такъ скучно, какъ вы думаете. Я только что вернулся изъ Финляндіи и пробираюсь теперь въ Петрозаводскъ, а оттуда думаю махнуть въ Колу. Впрочемъ, еще и самъ хорошенько не знаю, куда направлю стопы свои. А вы?

— Я ѣду по дѣламъ, въ Ладожскій уѣздъ, въ деревню.

— Браво! я васъ поздравляю. Вамъ предстоитъ презанимательная дорога, и вы вѣрно напечатаете свои дорожныя впечатлѣнія?

— Право, не знаю. Кажется, здѣсь не предстоитъ ничего особенно занимательнаго; да что и есть, такъ все извѣстно и переизвѣстно. Я удивляюсь вамъ, какъ вы находите пищу для любознательности въ безконечныхъ вояжахъ по этой однообразной равнинѣ?

Аркадій Петровичъ грустно покачалъ головой и на минуту задумался.

— Странны для меня всѣ вы, господа! проговорилъ онъ наконецъ: — однообразная равнина да однообразная равнина! затвердили одно, да на этомъ и остановились.

— Ну право же, Аркадій Петровичъ, вы должны сознаться, что разнообразіе не слишкомъ велико. Графъ Соллогубъ нѣсколько правъ, говоря, что у насъ ѣздятъ, а не путешествуютъ.

— Да, конечно! но я попрошу васъ отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы; только беру напередъ слово, что вы будете отвѣчать чистосердечно.

— Извольте!

— Хорошо! такъ скажите же мнѣ, пожалуста (я степникъ, и этотъ вопросъ для меня извинителенъ): вы, должно быть, отлично знаете Россію?

— Увы! къ несчастію, нѣтъ! немного, очень немного изъ насъ такихъ, которые старались ее узнать; немногіе узнали случайно, и то кое-какъ... а большинство...

— Знаетъ очень плохо, докончилъ мою мысль Аркадій Петровичъ и, откладывая ее большимъ пальцемъ правой руки на мизинецъ лѣвой, продолжалъ: — хорошо! примемъ это къ свѣдѣнію, и пойдемъ далѣе! Если вы не познакомились съ Россіей путешествуя, то, вѣроятно, знаете ее изъ книгъ? вѣроятно, можете изучить ее въ подробныхъ географіяхъ, въ описаніяхъ, въ сообраніяхъ путешествій?

— Вы сами знаете, что нѣтъ, отвѣчалъ я сми-

ренно : — подробной географіи у насъ, можно сказать, нѣтъ; потому что я не смѣю назвать этимъ именемъ учебниковъ, въ которыхъ ничего нѣтъ, кромѣ номенклатуры горъ, рѣкъ и городовъ и свѣдѣній о числѣ кирпичныхъ и кожевенныхъ заводовъ; путешествія, помнится, и есть у насъ кое-какія, но всѣ они стары, написаны дубоватымъ слогомъ, и едвали многіе знаютъ даже имена ихъ авторовъ; а описанія... описаній у насъ много, но они хоронятся въ журналахъ.

— Гм! странно! никто ничего не знаетъ, а описывать нечего и путешествовать не зачѣмъ? я тутъ чего-то не понимаю.

— Оно, конечно, странно; но, кажется, можно нѣсколько объяснить это. Въ самомъ дѣлѣ, русская равнина, исключая окраинъ ея, описанныхъ довольно порядочно, такъ однообразна, что, очертивъ одну мѣстность, очертишь всѣ.

— Такъ почему же не описана хоть эта одна мѣстность?

— Да потому, что она всѣмъ извѣстна.

— Вы сами себѣ противорѣчите, мой почтенный: слѣдовательно, Россія всѣмъ извѣстна какъ нельзя лучше,—а минуту тому назадъ вы говорили совершенно противное!

И Аркадій Петровичъ смотрѣлъ на меня, лукаво улыбаясь:

— Вы правы, только отчасти, сказалъ я : — конечно, и въ русской равнинѣ есть разнообразіе и

въ природѣ, и въ жителяхъ; но оно такъ незначительно, развивается на такихъ огромныхъ протяженіяхъ, и характеръ одной мѣстности такъ незамѣтно, такъ медленно переходитъ въ характеръ другой, что, проѣхавъ тысячу верстъ, можно замѣтить только весьма немногое, написать только нѣсколько страницъ или набить свой дорожникъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, свѣдѣніями о томъ, что ѣлъ и пилъ въ каждомъ городѣ....

Но ужели на васъ производятъ одно и тоже впечатлѣніе и саратовскія поля, и калмыцкая степь, и владимірскія болота, и окрестности Москвы, и холмистыя пространства Орла и Тулы, и равнины Малороссіи и новороссійская степь, и бѣлорусскія песчаныя и лѣсистыя пространства, и вологодскіе лѣса, и здѣшнія болота? Не ужели на васъ вѣетъ одною жизнію и посреди умныхъ и веселыхъ Москвичей, и посреди патріархальныхъ Вологжанъ, и посреди промышленныхъ Архангельцевъ, и посреди приземистыхъ Бѣлорусцевъ? Гдѣ же здѣсь однообразіе?

— Правда! но эти впечатлѣнія какъ будто ни на чемъ не основаны, неуловимы, неизъяснимы.

— Ни на чемъ не основаны они быть не могутъ, ибо все имѣетъ свою причину: слѣдовательно, есть причина и нашему вѣрному впечатлѣнію, а неуловимо оно потому, что вы его не ловите; неизъяснимо потому, что вы не хотите взять на себя труда изъяснить его.

Я замолчалъ, побѣжденный неумолимой логикой моего собесѣдника, хотя кое-какія возраженія еще шевелились въ моемъ умѣ.

Небо потемнѣло; вѣтеръ съ моря усилился. Мѣстность была невеселая; низкіе, темные берега, поросшіе густымъ хвойнымъ лѣскомъ, наклонившимся надъ водою, казалось, съ трудомъ удерживали огромную, почернѣвшую массу воды, взволнованную морскимъ вѣтромъ. Рѣка бурлила, но звуки ея, то грустные, то сердитые, умирали безъ отвѣта на пустынныхъ берегахъ. Она вся покрылась бѣлыми гребнями, которые, перегоняя другъ друга, бѣжали, казалось, не внизъ, а вверхъ по теченію. Возлѣ парохода была страшная свалка. Онъ шелъ гордо и только мѣрно вздрагивалъ; его колеса не отгоняли волнъ, которыя, съ какою-то злостью, лѣзли подъ нихъ, а давили и рѣзали ихъ, разбивая въ пѣну и усыпая серебромъ широкій слѣдъ, далеко остававшійся за нами. Но какъ были ничтожны мы, на хребтѣ этого чудовища, передъ смѣльчакомъ, который мелькалъ посреди рѣки, въ небольшой лодкѣ. Онъ, казалось, наслаждался борьбой съ гнѣвной влагой. Бѣлая развѣвающаяся рубаха его то показывалась высоко надъ водой, то снова погружалась въ волны; иногда блестѣло самое дно лодки, иногда мы видѣли только развѣвающіеся волосы отважнаго пловца. Я взглянулъ на своего собесѣдника: онъ жадно слѣдилъ глазами за исчезающей лодкой, ему хотѣлось быть на мѣстѣ гребца.

— Картина въ самомъ дѣлѣ хороша! сказалъ я Аркадію Петровичу: — но она такъ обыкновенна, столько разъ описана! И что она передъ морскими бурями, которыя такъ прекрасно переданы и въ словѣ и на полотнѣ! А скучныя берега не придаютъ ей рѣшительно никакой особенной характеристики.

— Извините, но я больше думалъ о вашемъ инстинктѣ. Я видѣлъ бури въ океанѣ и на всѣхъ русскихъ моряхъ и почти на всѣхъ замѣчательныхъ рѣкахъ и озерахъ; буря на Невѣ, особливо когда вѣтеръ съ моря, производитъ на меня совершенно особое впечатлѣніе; только мнѣ еще ни разу не удавалось видѣть этого пролива, когда морской вѣтеръ побѣдитъ его и погонитъ его воды назадъ въ Ладожское озеро. Неужели контрастъ этого воднаго богатства посреди этихъ унылыхъ береговъ, эта дѣятельность волнъ и шумъ нашего парохода посреди этого безлюдія окрестностей, не напоминаютъ вамъ ничего?

— Постойте! что-то въ самомъ дѣлѣ шевелится въ моей памяти. . . .

Я силился припомнить что-то, но никакъ не могъ.

— Я вамъ помогу, сказалъ Аркадій Петровичъ, улыбаясь: — вы, вѣроятно, читали какія нибудь пароходныя сцены на американскихъ рѣкахъ или озерахъ. . . .

— Да, въ самомъ дѣлѣ! между этими сценами есть какое-то отдаленное сходство,—но только очень отдаленное. Гдѣ здѣсь эта роскошная раститель-

ность, это сближеніе крайностей, ужасовъ и красотъ природы?

— Совершенно справедливо; но остается же какое-то общее чувство: вотъ это-то общее и уловите; вотъ видите ли....

— Позвольте, мнѣ кажется, я самъ открылъ причину. Это тотъ же самый контрастъ обильной, живой и шумной влаги съ безлюдьемъ и тишиной пустынныхъ береговъ.

— Но здѣсь есть еще нѣчто сходное, перебилъ меня Аркадій Петровичъ: — это то, что Америка и эта страна — земли новыя, въ которыхъ природа скопила страшныя силы и бережно хранила ихъ до прибытія европейскаго человѣка, и онъ со всею мощью своей гражданственности вошелъ въ эти долго невѣдомыя страны, въ которыхъ люди попадались только какъ будто для дополненія картины... Еще Шлецеръ находилъ сходство между открытіемъ Россіи славянскими племенами и открытіемъ Америки; но нигдѣ это сходство не поражаетъ васъ такъ, какъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири.

— Какъ разыгралась! продолжалъ Аркадій Петровичъ, любуясь яростью волнъ.—Право, незнаешь, чему болѣе удивляться — генію ли Великаго, который такъ вѣрно открывалъ источники силъ русской природы, твердости ли его непреклонной воли, незнавшей препонъ ни въ людяхъ, ни въ природѣ, или его безконечной смѣлости и вѣрѣ въ безошибочность своего геніа?

— Когда Петръ явился сюда закладывать новую столицу, то здѣсь сохранилось не только воспоминаніе, но даже слѣды страшнаго наводненія, случившагося за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, и которое почти вдвое превосходило наводненіе 1824-го года. Нева подымалась тогда на 25 футовъ выше своего обыкновеннаго уровня и затопила все пространство даже до Охты. Наводненія эти повторялись такъ часто, что жители были какъ на бивакахъ, ежеминутно готовые бросать на жертву волнамъ свои хижины, или превратить ихъ въ плоты. Но Петръ не побоялся основать свою новую столицу еще ближе къ устью, на почвѣ, еще не совсѣмъ обсохшей, и спокойно смотрѣлъ, какъ вода заливала основанія новыхъ зданій. И что же? волны унялись и съ каждымъ годомъ унимаются больше и больше. Какъ послѣ того не сказать, что геній знаетъ будущее?

— Да! но все это давно уже, и такъ прекрасно, выразилъ Пушкинъ, замѣтилъ я.

— Право, даже досадно! возразилъ съ нетерпѣніемъ Аркадій Петровичъ : — память дана намъ какъ будто нарочно для того, чтобы оправдывать свою лѣность. Но развѣ это чувство такъ мелко, что его можно исчерпать дюжиною стиховъ? Развѣ оно не стоитъ того, чтобы повторить его нѣсколько разъ?

— Но вѣдь вы, кажется, приверженецъ московской природы?

— Да, я люблю Москву; но развѣ это мѣшаетъ мнѣ восхищаться Невою?

— Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ даже рѣки обѣихъ столицъ прямо противоположны и какъ характерны обѣ! Москва — это маленькій, пересыхающій ручеекъ, вьющійся какъ блестящая змѣйка на днѣ огромнаго бассейна, съ крутыми живописными берегами, свойственными вообще юрской известковой формаціи, набитой окаменѣлостями. Эта маленькая рѣчка, при каждомъ поворотѣ своемъ, создаетъ новый ландшафтъ, новую свѣтлую картину, къ которой такъ и льнетъ славянское сердце. А здѣсь огромная масса воды течетъ почти прямо, въ ровныхъ и болотистыхъ берегахъ, которые изрѣдка подымаются на нѣсколько аршинъ, а устья и истокъ уходятъ въ воду неприметными склонами, — въ берегахъ, которые состоятъ изъ самой древней глины въ свѣтѣ, въ которой нѣтъ рѣшительно никакихъ остатковъ прежней жизни. Свойство этой глины рѣшаетъ судьбу невскихъ береговъ. Она, можетъ быть, дѣлаетъ возможнымъ существованіе человѣка на этой мокрой мѣстности; но, съ другой стороны, она же производитъ ту бѣдность произрастенія, которая такъ поражаетъ васъ при приближеніи къ Петербургу. Эта глина довольно часто, однакожъ, прикрывается намывнымъ пескомъ или иломъ, какъ, напримѣръ, возлѣ Петергофа и Павловска. Петербургъ закрылъ эту почву гранитомъ и пештякомъ, которые не безъ намѣренія же природа разсѣяла

вокругъ его съ такою щедростью. Это пространство, на которомъ самый древній слой силлурійской формаціи выглянулъ наружу, очень не велико; далѣе оно начинаетъ покрываться другими породами.

— Но, замѣтилъ я, невольно улыбаясь странной связи мыслей моего собесѣдника: — для новой столицы не было бы, однакожъ, хуже, еслибъ почва ея была нѣсколько поновѣе, да и нѣсколько повыше.

— Послѣднее, можетъ быть, и правда, хоть и то еще сомнительно; будущее все впереди; но что̀ касается до нерваго, такъ вы рѣшительно ошибаетесь, если принимаете эту мѣстность за новую въ исторіи Россіи. Я много имѣю причинъ думать, что на водахъ Невы завязался одинъ изъ первыхъ узловъ общественной жизни Россіи, но это длинно было бы доказывать; а теперь я только замѣчу вамъ, что варяго-славянская рѣчная, торговая дружина съ незапамятныхъ временъ утвердилась на этихъ водахъ, и что *древнее* судоходство по Невѣ, которое было возобновлено договоромъ Новгородцевъ съ Латинцами, древнѣе ганзейской торговли, и что этотъ договоръ родной братъ договору....

Въ это время вѣтеръ, давно уже подбиравшійся подъ широкія поля сѣрой шляпы моего разгорячennаго собесѣдника, наконецъ сорвалъ ее и покатилъ по палубѣ. Аркадій Петровичъ бросился догонять шляпу, и нашъ разговоръ прервался.

— Послушай, любезный! сказалъ возлѣ меня какой-то тощій господинъ, придерживая рукою свою соломенную фуражку, и обращаясь къ нашему кормчему, русскому мужичку въ непромокаемомъ плащѣ и въ англійской матросской шляпѣ: — послушай, любезный, скоро ли мы пріѣдемъ къ порогамъ?... Эй ты! эй!

Но «любезный» не слышалъ ничего: онъ зорко смотрѣлъ впередъ и быстро поворачивалъ колесо то въ ту, то въ другую сторону.

— Эхъ, баринъ, не мѣшай! сказалъ онъ наконецъ, не оборачивая головы и сильно опуская колесо, отчего нашъ пароходъ круто повернулъ на лѣво и быстро понесся по фарватеру. — Развѣ не видите, вотъ и пороги!

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Нева волновалась и пѣнилась сильнѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода особенно шумѣла и вертѣлась, въ другихъ волны отпрыгивали назадъ и разсыпались серебромъ, какъ будто находя себѣ преграду. Камни почти нигдѣ не выглядывали на поверхность, но подъ водой можно было различать ихъ бѣлѣющія верхушки. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ выше и волнистѣе, а теченіе ея гораздо быстрѣе и совершается по склону, замѣтному для простаго глаза, такъ что, кажется, нельзя приписать происхожденіе этихъ пороговъ исключительно наноснымъ блокамъ (*): не проходитъ

(*) Какъ у Штукенберга.

ли тоже и здѣсь подводная каменная гряда, которая перерѣзала всѣ истоки Ладожскаго озера съ западной стороны: Волховъ, Сясь, Пашу, Оять, Свирь и другіе, и, взволновавъ ихъ берега, дала прекрасныя ломки плиты, украсившія столицу. Трудно сказать что нибудь положительное о происхожденіи пороговъ прежде, нежели будетъ изслѣдовано дно этихъ рѣкъ. Эта гряда, идущая полукружіемъ (съ перерывами), нарушаетъ скучное разнообразіе той мѣстности, которая лежитъ между послѣдними холмами Валдая и первыми уступами Финляндіи. За порогами наносная глина начинаетъ мало по малу перемѣшиваться съ пескомъ, который почти одинъ составляетъ берега Невы при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера.

Вѣтеръ крѣпчалъ съ каждымъ часомъ; дорога мнѣ начинала надоѣдать, и я хотѣлъ было уже укрыться отъ жестокаго вѣтра и сойти въ каюту, какъ вдругъ довольно странная сцена привлекла мое вниманіе.... На отлогомъ берегу собралась большая толпа крестьянъ, разодѣтыхъ по воскресному и блестящихъ самыми яркими цвѣтами; они бросили свои хороводы и столпились въ кучу, оставивъ по срединѣ только небольшой кружокъ. Подъѣхавъ ближе, мы разсмотрѣли, что въ этомъ кружкѣ лежалъ человѣкъ. Потопленная лодка, которую двое дюжихъ парней выталкивали на берегъ, объяснила намъ эту сцену. Мы быстро проскользнули мимо ея, но она успѣла навѣять на

насъ грустное впечатлѣніе. Пошли расказы, изъ которыхъ я узналъ, что Нева шутить не любитъ, и что удовольствіе покататься по ней въ бурю, которому я такъ недавно завидовалъ, не всегда обходится дешево.

Вдали забѣлѣлся шпицъ Шлиссельбурга, и, зная по опыту, что въ городскихъ ресторацiяхъ невсегда найдешь что нибудь порядочное, я отправился въ общую каюту позавтракать. Здѣсь засталъ я довольно большое общество, которое, спасаясь отъ вѣтра, свирѣпствовавшаго на палубѣ, тѣснилось на лавочкахъ хорошенькой каюты. Оканчивая завтракъ, я почувствовалъ, что нашъ пароходъ остановился.

Началась суматоха: толпа носильщиковъ предлагала свои услуги. Мы остановились у борта, чтобы еще разъ взглянуть на Неву, которая въ этомъ мѣстѣ (самомъ широкомъ) имѣетъ пятьсотъ тридцать саженъ ширины, т. е. гораздо шире, чѣмъ у Троицкаго моста (триста сорокъ-пять саженъ). Вообще Неву можно назвать одною изъ самыхъ непостоянныхъ рѣкъ въ мірѣ: ширина ея измѣняется почти на каждой полу-верстѣ, и измѣняется на полтораста и двѣсти саженъ, но не бываетъ менѣе ста сорока. Это же явленіе, еще въ большей степени, замѣчено за рѣками Новой Голландіи, которыя еще не нашли своихъ руслъ; но для Невы Петръ Великій создалъ берега. Быстрота ея теченія также чрезвычайно непостоянна и по мѣсту и

по времени. А потому удивительно ли, что Нева каждую секунду приноситъ морю массу воды во сто шестьдесятъ тысячъ кубическихъ футовъ, и въ этомъ отношеніи превосходитъ знаменитый Нилъ и немного уступаетъ Гангу (183,970 кубическихъ футовъ), далеко оставляя за собою Рейнъ (64,160). Такъ что этимъ короткимъ рукавомъ, въ нѣсколько десятковъ верстъ длины, изливается въ море богатѣйшая по всей Европѣ система водъ, наполняющая собою всю сѣверно-западную часть Россіи. Огромные бассейны Ладоги, Онеги, Ильменя, Саймо сбираютъ дань съ безчисленныхъ рѣкъ, озеръ и рѣчекъ и несутъ ее къ царственной Невѣ.

Когда я оглянулся, Аркадія Петровича уже не было, и я нигдѣ не могъ отъискать его.

—

ГЛАВА II.

Трешкотъ.

Въ Шлиссельбургѣ мы оставались недолго. Въ этомъ небольшомъ городкѣ, разбросанномъ по низменнымъ берегамъ Невы и Ладожскаго озера, немного замѣчательнаго. Особеннаго вниманія заслуживаютъ только прекрасные шлюзы, ведущіе изъ Ладожскаго канала въ Неву и сложенные изъ огромныхъ гранитныхъ массъ, да крѣпость, которая на-

помнаетъ собою Петропавловскую и расположена на низкомъ островѣ, въ самомъ истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Петръ Великій очень удачно назвалъ эту крѣпость ключемъ-городомъ. Этимъ ключемъ онъ отперъ Балтійское море для Россіи и навсегда замкнулъ ее враждебнымъ посѣщеніямъ сосѣдей. Это послѣднее значеніе принадлежало прежде одной Ладогѣ; но съ распространеніемъ Новгородской области перешло къ Орѣшку — теперешнему Шлиссельбургу (выстроенному, вѣроятно, вновь Новгородцами, въ 1223 году), а впослѣдствіи Петербургу. Въ самомъ дѣлѣ, въ прежнія времена, когда болотистыя пространства между Невой и Волховомъ были покрыты лѣсомъ, стоило только замкнуть входъ непріятельскимъ лодкамъ въ Ладожское озеро изъ Невы и въ Волховъ изъ озера, чтобы Новгородъ могъ быть спокоенъ за безопасность своихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ предѣловъ. Берега Ладожскаго озера у Шлиссельбурга песчаны, низки и, медленно уходя въ воду, составляютъ отмѣль на нѣсколько верстъ. На этой отмѣли округленные фратическіе блоки разлеглись подобно огромному стаду быковъ, ищущихъ прохлады; и сходство это до того обманчиво, что объясняетъ, почему эти камни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ называетъ быками. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ въ такомъ множествѣ эти загадочныя, округленныя массы горныхъ породъ Финляндіи. На берегахъ Невы онѣ появляются очень рѣдко, только кое-гдѣ по холмамъ, возлѣ пороговъ;

но здѣсь сложила ихъ, вѣроятно, какая нибудь запоздавшая на озерѣ ледяная гора, которая приплыла окончить свое существованіе на этихъ берегахъ, усыпанныхъ гранитнымъ пескомъ. Несмотря на ужасный вѣтеръ, поверхность отмѣли едва волновалась; зато вдали на горизонтѣ, гдѣ вода, кажется, уходитъ въ самое небо, волны подымались горами, и ихъ пѣнящіяся верхушки строились въ какіе-то фантастическіе города. Маякъ и вокругъ его множество мачтъ виднѣлись вдали. Ладожское озеро болѣе Финскаго залива похоже на море, и въ бурю оно очень опасно; однако, многія суда предпочитаютъ быстрое плаваніе на парусахъ медленному движенію по каналу, который идетъ почти возлѣ самого берега, такъ что мы, въ продолженіе своего переѣзда до Ладоги, нѣсколько разъ видѣли еще озеро вдали.

Кто никогда не ѣзжалъ по Ладожскому каналу, тотъ едва ли знаетъ, что такое трешкотъ, потому что этотъ способъ перевозки, сколько мнѣ извѣстно, употребляется только здѣсь. На трешкотѣ очень кстати было бы написать вмѣсто девиза русскую поговорку: «тяпь да ляпъ и вышелъ корабль». Это небольшая барка, на которой есть все, что вамъ угодно: и мачта, и флагъ, и три низкія, тѣсныя каюты въ два кубическіе аршина, для желающихъ заплатить два или три цѣлковыхъ, и палуба человѣкъ на пятьдесятъ для тѣхъ, кто хочетъ прокатиться сто-двадцать верстъ за пять копѣекъ сере-

бромъ. Но все это сколочено на живую нитку, скрипитъ и шевелится.

Свободной каюты я не нашелъ и очень былъ радъ, когда одинъ изъ пассажировъ позволилъ мнѣ помѣститься въ своей, гдѣ уже на полу расположилась его собака. Товарищъ мой былъ, по видимому, охотникъ и человѣкъ самаго спокойнаго свойства. Онъ кивнулъ мнѣ головою, повернулся лицомъ къ стѣнѣ на узенькомъ диванчикѣ и захрапѣлъ. Каюта была такъ тѣсна, что я только бокомъ могъ протиснуться въ нее, и не было никакой возможности помѣститься въ ней третьему существу, такъ что рулевой едва могъ просунуть туда свою голову, чтобы спросить насъ, съ насмѣшливою улыбкой : просторно ли намъ? Другую каюту заняли какія-то барыни, а въ третьей помѣстился купецъ, котораго мы уже видѣли на пароходѣ.

— Ich verstehe nicht, не понимай! раздалось у насъ надъ самымъ ухомъ.

Я выглянулъ въ узенькое окошечко и увидѣлъ довольно забавную сцену.

Какой-то толстякъ стоялъ на берегу, задыхаясь подъ тяжестію чемодана и множества узелковъ, наваленныхъ горою на его плечахъ. Его обступило нѣсколько носильщиковъ, настойчиво предлагавшихъ ему свои услуги; нѣсколько бабъ совали ему судки съ вяленными сыртями. Рулевой приступилъ къ нему, требуя, чтобы онъ нанялъ себѣ особою каюту.

— Не понимай! бормоталъ, онъ, стараясь взбросить самъ на палубу свои вещи.

— Знаемъ мы васъ, не понимай! ворчалъ рулевой. — Да дай хоть двугривенный, чтобъ вещи поднять... ато смотри, плохо будетъ.

— Гривенникъ! сказалъ нѣмецъ.

— Двугривенный! отвѣчалъ рулевой и полѣзъ наверхъ.

Новый пассажиръ сдѣлалъ послѣднее усиліе; но чемоданъ вылетѣлъ у него изъ рукъ и упалъ въ воду.

Всѣ захохотали, и нѣмецъ вытащилъ двугривенный, произнося какую-то брань на нѣмецкомъ діалектѣ. Вещи были подняты, и самого хозяина ихъ кое-какъ спровадили на палубу, которая страшно затрещала подъ нимъ.

— Тише, не возись! закричалъ рулевой: — изъ за пятака серебра ты у меня весь трешкотъ разломишь... Ну, съ Богомъ, отчаливай!

И мы тронулись.

Пара лошадей, идущихъ по берегу маленькой рысцой съ однимъ верховымъ, везутъ трешкотъ верстъ по шести въ часъ; лошадей мѣняютъ по станціямъ, и часовъ черезъ двадцать можно быть въ Ладогѣ. Могучій рулевой, опирающійся на вѣчно скрипящій руль, стоитъ только затѣмъ, чтобы скорѣе помощью крика, чѣмъ помощью руля, провесть трешкотъ между множествомъ судовъ, кото-

рыми каналъ постоянно загроможденъ. Лодка скоро скрылась изъ виду.

Каналъ довольно узокъ; вода въ немъ стоячая, мутная, и вокругъ самый скучный, самый однообразный, финскій, болотный ландшафтъ, рѣшительно не измѣняющійся на протяженіи всѣхъ этихъ ста-двадцати верстъ; повсюду одни и тѣже низкіе, ровные берега, по которымъ идетъ узкій бичевникъ; повсюду одна и таже болотистая равнина, на которой не видать ни лѣсовъ, ни полей, — равнина гладкая какъ ладонь.

Небо нависло почти надъ самою головою, и сырой, густой воздухъ, скрадывая всю яркость цвѣтовъ, налагалъ на все какой-то матовый, сѣрый оттѣнокъ.

Каналъ весь загроможденъ барками; наложенныя горою, набитыя до того, что, кажется, бока ихъ готовы треснуть, барки двигаются тяжело и медленно, постоянно сталкиваясь и останавливаясь. Длинный и почти непрерывный рядъ мачтъ тянется по каналу въ обѣ стороны и теряется въ дали, такъ что канала не видно, а мачты кажутся рядомъ огромныхъ шестовъ, разрѣзывающихъ землю. По правому берегу канала три пары лошадей тащатъ три трешкота; на каждой изъ нихъ по ямщику, который, опустившись всѣмъ тѣломъ, лѣниво переваливается съ боку на бокъ, и для препровожденія времени перебранивается или съ своими лошадьми, или съ бурлаками, которые постоянно попадаются

на встрѣчу. Бурлаки идутъ семериками, ступаютъ мѣрнымъ, трудным шагомъ, налегая всей грудью на свою лямку, прикрѣпленную къ бичевѣ. Они, обыкновенно, угрюмы, не обращаютъ вниманія на крикъ и понуканья, которыя сыплются на нихъ со всѣхъ сторонъ, идутъ потупивъ глаза въ землю и молча уступаютъ дорогу всякому. Ихъ загорѣлыя лица, мощные члены, классическія бороды и рубахи какъ-то нейдутъ къ ихъ занятію. Они не веселы и не облегчаютъ тяжкаго труда тѣмъ мѣрнымъ пѣніемъ, которое раздается на берегахъ Волги. Здѣсь они какъ будто попали не въ свою сферу. Тамъ и сямъ небольшіе кустарники, изрѣдка чистенькія деревни полу-нѣмецкой, или, лучше сказать, петербургской постройки и красивые домики военной команды, надзирающей за порядкомъ на каналѣ.

Но если зрѣніе ваше утомляется однообразіемъ этой финской природы, зато слухъ никакъ не можетъ пожаловаться на тишину ея: крикъ и стукъ почти не умолкаютъ. Команда лоцмановъ, перекличка ихъ между собою и съ ямщиками и бурлаками, крикъ ямщиковъ, скрипъ никогда не мазаннаго руля, трескъ сталкивающихся судовъ, говоръ и хохотъ на трешкотахъ составляютъ вокругъ такой хоръ, что голова кружится, утомленная, и безъ того, тихимъ покачиваніемъ трешкота. Сквозь этотъ шумъ, несущійся съ барокъ, съ тихвинокъ, съ берега, съ трешкотовъ, встрѣчающихся и перекрещивающихся въ сыромъ и тяжеломъ воздухѣ, изрѣдка и съ тру-

домъ пробьется грустная русская пѣсня о чемъ-то невѣдомомъ, по поводу какой нибудь бѣлолицей Маши.

Въ этомъ каналѣ соединяются всѣ водныя системы сѣвѣрной и восточной Россіи; а потому не удивительно, что здѣсь можно видѣть обращики всѣхъ народностей, разбросанныхъ по этому великому сѣверо-восточному пути; зато мнѣ не удалось здѣсь встрѣтить не только ни одного жителя Малороссіи, но даже ни одного Москвича или Орловца. И на всемъ этомъ пестромъ смѣшеніи лежитъ одинъ оттѣнокъ, который легче чувствовать, нежели выразить, и который можно назвать новгородскимъ. Этотъ оттѣнокъ предпріимчивости, подвижной торговой жизни — готовность взяться за всякій промыселъ — совершенно отличаетъ нашу сѣверо-восточную Россію отъ юго-западной, сидячей, мирной сельской или удалой казацкой. Здѣсь къ одной и той же бичевѣ прицѣплены низовой, сажённый бурлакъ, съ правильной, загорѣлой физіономіей, и неуклюжій, еще не выучившійся порядочно говорить по русски и не помнящій родства Тептярь, смѣсь элементовъ татарскаго и финскаго. А тамъ, на баркѣ, на кулѣхъ, наваленныхъ горою, стоитъ, съ шестомъ въ рукахъ, добродушный, наивный Костромичъ, съ наивно-дѣтскою улыбкою и съ умными, смѣтливыми глазами; на кормѣ же тихвинки охорашивается *обозженный* Ярославецъ, румяный какъ майская роза. Здѣсь слышится новгородское нарѣ-

чіе, столь любезное малороссійскому слуху; тамъ галицкое цоканье, тамъ вологодское рѣзко-протяжное о. И это все сталкивается, здоровается, перебрасывается прибаутками на пространствѣ канала въ нѣсколько саженъ шириною.

На трешкотѣ сначала всѣ улеглись спать, и только къ вечеру проснулись и оживились; изъ каютъ тоже повылѣзли на палубу, за исключеніемъ одного торговца, который проснулся на пароходѣ, чтобъ съѣсть дюжину вяленыхъ сыртей на берегу и снова завалиться спать на трешкотѣ. Такъ путешествуетъ онъ по всей Россіи и, по его собственнымъ словамъ, нигдѣ не спитъ такъ покойно, какъ на почтовой тележкѣ; спитъ, а между тѣмъ карманъ его толстѣетъ не по днямъ, а по часамъ.

Мы съ трудомъ завоевали себѣ мѣсто на скамейкѣ, хотя ито бо́льшая часть народа лежала на полу, въ самыхъ живописныхъ позахъ.

Надъ всей этой группой высилась фигура рулеваго, дюжаго Тихвинца, въ красной рубахѣ и какой-то странной шапкѣ, которая, вѣроятно, черезъ десятыя руки попала съ головы петербургскаго франта на эту рыжую, косматую голову. На полномъ, лоснящемся лицѣ его постоянно скользила самая ѣдкая улыбка. Онъ повелительно осматривалъ толпу, расположившуюся у ногъ его, осыпалъ ее насмѣшками, кричалъ за десятерыхъ, не пропускалъ ни одной барки, чтобъ не послать ей вслѣдъ какой нибудь прибаутки, и ни одного человѣка на берегу, или на

бортѣ чужаго судна — чтобы не поподчивать его насмѣшкой. Болѣе всѣхъ доставалось отъ него непомѣрно толстому Нѣмцу, который, для избѣжанія излишнихъ издержекъ, притворился что ни слова не понимаетъ по русски, и, развалившись на грудѣ своихъ чемодановъ, старался казаться равнодушнымъ, хотя иногда насмѣшки явно задѣвали его за живое. Рулевой сердился, что Нѣмецъ не взялъ для себя особой каюты; но это было физически невозможно. Толпа рабочихъ, усѣвшись въ кружокъ, спорила съ жаромъ. Дѣло шло о преимуществѣ ремеслъ, и каждый выхвалялъ свое и порицалъ чужое. Петербургскій каменьщикъ, превознося свое занятіе, лгалъ немилосердно; барочникъ-Костромичъ слушалъ его внимательно, хотя, по видимому, не вѣрилъ его словамъ и твердо стоялъ за свое непосѣдное ремесло; странствующій плотникъ порочилъ ихъ обоихъ; но когда бурлакъ хотѣлъ тоже вмѣшаться въ этотъ споръ и защитить свое бѣдое занятіе, то рулевой оглушилъ его такой насмѣшкой, что бѣднякъ махнулъ рукою, повернулся лицомъ внизъ и уткнувъ носъ въ свою суконную шапку, скоро захрапѣлъ. Въ продолженіе нашей дороги, разговоръ часто превращался въ общій споръ, въ которомъ принимали участіе всѣ сидѣвшіе на палубѣ; но всегда этотъ споръ оканчивался общимъ соглашеніемъ на какихъ нибудь сентенціяхъ народной логики, въ родѣ слѣдующихъ: «всякое ремесло хорошо, если самъ хорошъ»; «добрый человѣкъ вездѣ уживется», «вся-

кому свое» и тому подобное. Далѣе сидѣло полдюжины бабъ, у которыхъ платки были надвинуты на самые глаза: онѣ всѣ пригорюнились, поминутно зѣвали, охали и крестились. Всѣ этѣ бабы отправлялись изъ Петербурга по своимъ деревнямъ, къ Троицыну дню, чтобы помахать зеленой вѣткой надъ могилами своихъ мужей. Мужчины смѣялись надъ ними, но онѣ отвѣчали на этѣ насмѣшки только покачиваніемъ головы и смиреннымъ вздохомъ. Крестьяне наши по большей части скептики: ихъ здравый смыслъ не можетъ не посмѣяться надъ иными повѣрьями, но они спускаютъ старухамъ ихъ привычки, говоря: «это ихъ дѣло!» А старухи — это настоящіе мѣшки, въ которыхъ преданія старины и предразсудки хранятся бережно и передаются отъ предковъ къ потомкамъ. Мнѣ случалось видѣть въ нашихъ деревняхъ такіе экземпляры старухъ, которыя говорятъ какъ члены китайской академіи наукъ, ходятъ не иначе, какъ по строгимъ правиламъ; каждое движеніе ихъ, каждое слово совершается по какому нибудь преданію, по какой нибудь пословицѣ. Оттого лица ихъ такъ важны, оттого онѣ такъ часто качаютъ головой и сожалѣютъ о заблужденіи молодежи. Только на женщинахъ можно еще видѣть древніе костюмы различныхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи; онѣ больше сберегаютъ старыя сказки, и даже языкъ ихъ болѣе, нежели языкъ мужчинъ, сохраняетъ слѣды племеннаго различія. Чувство, преданіе, мечта преобладаютъ въ

нашихъ крестьянкахъ, тогда какъ въ мужчинахъ здравый, ясный смыслъ сглаживаетъ всѣ различія, и общій русскій костюмъ, общій русскій языкъ, общая русская логика, недалекая, но смѣтливо-хозяйственная, основанная на началѣ порядка, вездѣ беретъ перевѣсъ.

На кормѣ также господствовало совершенное дружелюбіе. Ее занимали человѣкъ двадцать бурлаковъ.

Въ серединѣ всей группы, возлѣ самой мачты, на полу, лежалъ высокій, сухой мужчина въ сѣромъ, дырявомъ армякѣ. Его архангельская островерхая шляпа была надвинута на самые глаза, и изъ подъ нея падали по плечамъ длинныя пряди рыжихъ волосъ. Лицо его, худое, изрытое оспою, выражало суровую энергію; но голубые глаза смотрѣли на всѣхъ ласково и съ какой-то особенной простотою. Чрезъ плечо его висѣла кожаная сума, а у ногъ, босыхъ и израненыхъ, лежалъ огромный посохъ и мѣшокъ съ хлѣбомъ.

— Куда ты, любезный? спросилъ я его, привлеченный его характерной физіономіей.

— Збиравъ на цiерковь Божію, господине, а теперици пробираюсь домой, въ Вологодскую губернію, въ Тотюмьской уѣздъ, въ село Руцьи.

— И давно ты собираешь на церковь?

— Да ужё двѣнадьцатый годоцёкъ, господине, на цетвертую церковь збираю.

— Да что́ же тебя заставило взяться за такую жизнь, бросить семью и домъ?

— Нѣтъ у меня сёмьи, господине; одна матуська только, да и та у маностыри зивё; а зобираю по обѣцянію, господине.

— Какое же обѣщаніе далъ ты?

— Оно расказаць нищаго, господине, мозьно, и народу поученіе и сёбѣ покаяніе, да длинно расказываць, господине (*).

Я хотѣлъ просить его, чтобы онъ расказалъ мнѣ свою исторію; но въ это время у бурлаковъ, которые давно уже спѣвались въ полголоса, наконецъ сложилась пѣсня. Голоса были свѣжіе и подобраны хорошо.

Всѣ притихли, и я заслушался. Длинные, заунывные звуки невольно погружали въ задумчивость. Вдругъ трешкотъ нашъ сильно покачнулся и затрещалъ. Онъ увязъ между какой-то огромной баркой и глинистымъ берегомъ. Одна сторона его поднялась выше другой и сѣла на мель. Отъ неожиданнаго удара, лошади, тянущія бечеву, сильно попятились назадъ и чуть-чуть, вмѣстѣ съ ямщикомъ, не свалились съ берега, что́, говорятъ, иногда случается.

(*) Я могъ запомнить только нѣсколько звуковъ этого смѣшаннаго нарѣчія, и потому за полную вѣрность не отвѣчаю.

— А! чтобъ васъ! заснули! закричалъ снова рулевой, умолкнувшій было на время.

Съ барокъ отвѣчали такими же привѣтствіями; крикъ скоро сдѣлался общимъ и огласилъ сырой, тяжелый воздухъ. Но никто не трогался съ мѣста: всякому жаль было разстаться съ спокойной позой, которую онъ себѣ выбралъ. Однако, дѣлать было нечего: трешкотъ самъ рѣшительно не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста; ему, кажется, также пріятно было задремать на тинистомъ днѣ канала; и рабочіе на нашей и на сосѣднихъ баркахъ начали подыматься съ своихъ теплыхъ логовищь. Наконецъ, послѣ немногихъ усилій и безконечнаго числа зѣвковъ, трешкотъ снова съѣхалъ въ воду.

Во время этой суматохи, какому-то бродягѣ удалось тайкомъ перебраться съ берега на трешкотъ безплатно. Онъ сначала притаился между бурлаками; но когда мы отвалили, онъ высунулъ свою лысую сократовскую голову, которая обязательно улыбалась. Розовыя губы его и красные стеклянные глаза показывали, что онъ находится въ нетрезвомъ видѣ. На трешкотѣ оказалось много его знакомыхъ, которые сказали мнѣ, что Ѳедюшка Лысый (Ѳедюшкѣ было лѣтъ пятдесятъ слишкомъ) постоянно пьянъ и уже нѣсколько лѣтъ только и дѣлаетъ, что таскается по берегу канала, да наровитъ, какъ бы безплатно прокатиться изъ Шлюшина въ Ладогу или обратно. Часто ему приходится купаться

въ каналѣ и пробовать кулаковъ рулевыхъ; но ничто не можетъ излечить его отъ странной маніи кататься до зимы по каналу. Ѳедюшка — невысокій, широкоплечій мужикъ, съ высокимъ лбомъ и вздернутымъ носомъ. На головѣ у него и въ бородѣ осталось немного волосъ, а на плечахъ только обрывки рубахи и синяго испачканнаго кафтана. Онъ обыкновенно веселъ, любитъ компанію и сидитъ смирно, только бы везли его. Но въ этотъ разъ онъ ужъ черезчуръ развеселился и, несмотря на угрозы рулеваго, бурлилъ не умолкая. Наконецъ рулевой, видя, что онъ никакъ не унимается, привязалъ его къ носу трешкота, и, снявъ съ него картузъ, забавлялся, поливая безпрестанно водою лицо дароваго сѣдока. Несчастный жмурился, отворачивался, то сжималъ ротъ, то широко раскрывалъ его, чтобы просить пощады, но вода заставляла его молчать. Напрасно онъ старался высвободить свои руки изъ веревокъ и глядѣлъ умоляющимъ взоромъ вокругъ: рулевой продолжалъ поливать его, останавливаясь только по временамъ, чтобъ зачерпнуть воды. Нѣкоторымъ пассажирамъ стало жаль бѣдняка, и они упросили рулеваго, чтобы онъ развязалъ его; но не успѣлъ тотъ исполнить ихъ просьбы, какъ Ѳедюшка выскользнулъ у него изъ рукъ и полетѣлъ въ каналъ. Къ счастію, мѣсто было не глубокое и Ѳедюшка успѣлъ скоро выбраться на берегъ; грязь валилась съ него комками и лысую голову прикрывалъ толстый слой ила. Онъ отряхнулся и по-

требовалъ своей фуражки; а когда ее бросили ему, онъ очень вѣжливо расшаркнулся рулевому и сказалъ ему:

— Уменъ ты, братъ Егоръ: знаешь, какъ съ пьянымъ обходиться надо. А вы, дураки, что мнѣ руки развязали и пьянаго послушались! прибавилъ онъ, грозя своимъ благодѣтелямъ, тронувшимся его отчаянными мольбами....

Ѳедюшка долго гнался за трешкотомъ, но такъ какъ его не принимали, то онъ растянулся на пескѣ, сложилъ руки на груди и заснулъ сномъ ребенка.

— А вѣдь былъ человѣкъ, сказалъ рулевой, махнувъ рукою.

Уже было около полуночи, и «одна заря спѣшила смѣнить другую». Огни, разложенные бурлаками на берегу, погасали въ сыромъ воздухѣ и только кое-гдѣ еще двигались возлѣ нихъ громадныя фигуры дѣтей степи, сбиравшихъ по болотамъ хворостъ и листья, чтобы поддержать безпрестанно гаснущее пламя и сварить запоздалую кашу. Небо было закрыто тучами, и вокругъ все таже мокрая и безцвѣтная пустыня. Я задумался, и когда обернулся, то на палубѣ всѣ уже храпѣли, развалившись въ самыхъ живописныхъ позахъ, перемѣшавъ руки и головы, прикрытыя армяками и тулупами. Только рулевой ворочался на своемъ скрипучемъ рулѣ, да толстый Нѣмецъ возился съ больными зубами и ворчалъ себѣ подъ носъ. Вдали слышенъ былъ глухой

шумъ озера. Оно еще не могло успокоиться, и по временамъ на горизонтѣ, сквозь ночную тьму, прорѣзывались бѣлые гребни его волнъ. Края неба начали румяниться, болота закурились туманами; но ни одна птица не привѣтствовала утра. Становилось холодно, и я отправился въ каюту.

Долго я ворочался съ боку на бокъ на узенькомъ диванѣ. Несносный, безпрерывный, пронзительный скрипъ руля, тяжелое стуканье трешкота то о барки, то о берегъ и чья-то возня на палубѣ долго не давали мнѣ покою. Товарищъ мой храпѣлъ давно и только иногда покрикивалъ во снѣ, вѣроятно, воображая себя на охотѣ. Наконецъ и я началъ было дремать, какъ вдругъ страшный трескъ раздался у меня надъ головой и что то тяжелое опустилось къ намъ въ каюту. Напрасно я упирался въ него руками и ногами: оно все опускалось ниже и ниже и наконецъ наполнило собою всѣ углы нашей каюты. Я задыхался. Охотникъ кричалъ: ему, вѣроятно, почудилось, что его давитъ медвѣдь. Собака, лежавшая на полу, заметалась съ просонья и жалобно завыла.

— Да что это такое? закричалъ я наконецъ, не будучи въ силахъ долѣе выдерживать страшной тяжести.

— Verzeihen Sie mir, meine Herren, meine liebsten Herren, пищалъ кто-то надъ самымъ моимъ ухомъ.

Охотникъ кричалъ и, кажется, кусалъ толстаго

Нѣмца. Мнѣ тоже приходилось не въ-терпежъ. На палубѣ наконецъ зашевелились.

— Эге! да никакъ Нѣмецъ-то у меня всѣхъ господъ передавилъ, раздался голосъ рулеваго. — Вишь каковъ! и какъ его угораздило! четыре доски продавилъ! Егоръ, а Егоръ, подь-ка сюда; глянь-ка, какая оказія приключилась.

— Гозорилъ, надо доску перемѣнить: давно гнила была, отвѣчалъ сердитый и сиплый голосъ Егора. — Еще намеднись Васька Касой двѣ сломалъ.

— Эхъ ма! вотъ оно что! вотъ такъ оказія! говорилъ рулевой, постукивая каблуками о края пролома.

— Да что вамъ здѣсь нужно? закричалъ я Нѣмцу, упираясь въ него руками и ногами, съ отчаяніемъ человѣка, котораго душатъ. — Убирайтесь! Что вамъ здѣсь нужно?

— Нишего, совершенно нишего! я такъ только немношко, einwenich, bei Gott, немношко, я сейшасъ, сейшасъ! вы только немношко, немношенько потерпите, пищалъ Нѣмецъ самымъ сладкимъ голосомъ, продолжая медленно опускаться въ каюту, такъ что у меня наконецъ захватило духъ.

Я сдѣлалъ отчаянное усиліе и успѣлъ наконецъ кое-какъ высвободить голову, хотя все еще не могъ двинуться ни рукой, ни ногой.

— Да тащите же этого лѣшаго, тащите! вопилъ охотникъ, которому, вѣроятно, приходилось хуже

моего. — Вѣдь это, наконецъ, Богъ знаетъ что́ такое!

— Да чѣмъ его вытащить! продолжалъ разсуждать Егоръ, не трогаясь съ мѣста: — ишь какъ его угораздило! Иванъ, а Иванъ! подь-ка, разбуди Семена, да хомутниковъ-то кликни; ато однимъ его не вытащить. Надобно доски перемѣнить.... двѣ только маленько и подгнили.... а теперь четыре мѣняй. Степанъ, а Степанъ! ну, что́ жъ ты стоишь? разбуди народу-то!

— Милостивый государь! продолжалъ охотникъ уже умоляющимъ голосомъ: — милостивый государь, Herr, любезный Herr.... какъ васъ тамъ?... отодвиньтесь хотя немножко.

— Aber, ей Богъ сейшасъ....

— Aber, aber! да прими хоть лохоть, проклятый! прямо подъ ложечку уперся.

Нѣмецъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и провалился совсѣмъ, и мы съ трудомъ успѣли добраться до отверстія и вылезли на палубу.

— Ухъ! слава тебѣ Господи! произнесъ охотникъ, вставая и расправляя измятые члены.

Но въ каютѣ продолжалась отчаянная борьба; собака защищала жизнь свою и впилась въ толстяка, который душилъ ее.

— Собака, собака моя! кричалъ охотникъ, узнавшій наконецъ въ чемъ дѣло. — Послушайте, милостивый государь! если вы задавите мою собаку, продолжалъ онъ, нагнувшись къ пролому и грозя

туда кулакомъ: — если вы задавите мою собаку, то и не думайте.... она стоитъ пятьсотъ рублей, пятьсотъ рублей серебромъ... слышите ли вы?

Нѣмецъ только кряхтѣлъ.

— Да скажите ему по нѣмецки, чтобы онъ не давилъ моей собаки! обратился ко мнѣ охотникъ отчаяннымъ голосомъ; но въ это время собака выскочила на палубу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, начала лаять въ отверстіе.

Наконецъ, кое-какъ, послѣ безконечныхъ усилій и съ помощью бурлаковъ, успѣли вытащить бѣдняка на веревкахъ; потомъ снова кое-какъ закрыли дыру и, вѣроятно, оставили эту мышеловку до новой оказіи.

Мы опять отправились спать, и, утомившись борьбой, я скоро заснулъ богатырскимъ сномъ.

Когда я проснулся, солнце было уже очень высоко и мы подвигались быстрѣе вчерашняго. Я вышелъ наверхъ. Охотникъ былъ уже на палубѣ и гладилъ собаку, которая еще ворчала и огрызалась на бѣднаго толстяка.

Народу поубавилось; многіе разошлись по утру и всѣ какъ-то пріутихли. Я присѣлъ на лавочку. Таже печальная картина, все тотъ же мокрый, сѣрорыжеватый финскій ландшафтъ. Ѣзда на трешкотѣ начинала мнѣ надоѣдать. Но вдругъ вдали показалась Новая Ладога, и всѣ оживились. Разомъ заговорили, зашевелились. Рулевой заголосилъ пуще

прежняго и пуще прежняго началъ сыпать насмѣшками, не пропуская никого.

— Эй вы хомутники! кричалъ онъ смиренно гнущимся бурлакамъ : — что́ хомуты-то не вычистили? долой хомуты-то!

Но хомутники, не отвѣчая ни слова, смиренно отстегивали свои лямки отъ бичевы и опускали ее въ воду, чтобъ дать пройти трешкоту. Казалось, они такъ прислушались къ насмѣшкамъ, что считали ихъ за обыкновенный разговоръ и рѣшительно не обращали на нихъ никакого вниманія. Но вдругъ рулевой притворился добрякомъ и кричалъ бурлакамъ :

— Богъ помощь, ребята!

— Спасибо! и вамъ помогай Богъ! отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Чтожъ это, ребята, *семеро васъ тянутъ и ни одинъ не схрамлетъ*?

Не успѣлъ рулевой выговорить этихъ словъ, какъ вся толпа бурлаковъ залилась страшною бранью. Они остановились; мужественныя лица ихъ выражали угрозу, и долго грозили они намъ вслѣдъ кулаками и взглядами. Я смотрѣлъ въ недоумѣніи на эту картину. Рулевой хохоталъ и уже начиналъ разговоръ съ барочниками, везущими дрова.

— Эй вы, барочники, Божьи дѣти! пока доѣдете, весь хлѣбъ переѣдите. Кушайте, кушайте кашу, брызнуть бы воды вамъ въ чашу.

Барочники ворчали.

— Хлѣбъ да соль ребята! продолжалъ рулевой, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

— Хлѣба кушать! отвѣчали они въ одинъ голосъ.

Спасибо, спасибо, ребята! А у меня къ вамъ дѣльцо есть, продолжалъ рулевой: — *дядюшка Прохаръ письмо послалъ.*

И барочники не могли перенесть этихъ словъ, побросали ложки, схватили шесты и самые звонкіе эпитеты долго провожали насъ.

Я не могъ добраться, что за горечь скрывается въ этихъ безсмысленныхъ словахъ; но при многочисленныхъ пробахъ они всегда производили одинаковое дѣйствіе, и при томъ, если про дядю Прохора говорили бурлакамъ, то они нисколько не обижились, а напротивъ, испускали дружный хохотъ, означавшій: «молодъ ты еще зубы скалить!» и, на оборотъ, привѣтствіе, назначенное бурлакамъ, нисколько не трогало барочниковъ. Смыслъ этихъ выраженій потерянъ, какъ потерянъ смыслъ насмѣшекъ надъ Пошехонцами, которые, какъ нарочно, умны и смѣтливы. Богъ знаетъ, изъ какихъ далекихъ временъ идутъ эти поговорки; но всего страннѣе то, что, потерявъ всякое значеніе и всякій смыслъ, онѣ сохранили горечь, скрытую въ нихъ, и она пробиваетъ толстую кожу барочника и бурлака, которой не пробить и самою ѣдкою бранью. Вообще наше рѣчное судоходство сохранило въ себѣ много слѣдовъ глубокой древности и чисто русскаго происхожденія. Чрезвычайное разнообразіе рѣч-

ныхъ судовъ, ихъ національныя названія, множество поговорокъ и техническихъ терминовъ, относящихся къ судоходству, множество обычаевъ, соблюдаемыхъ безмолвно (tacito consensu), устройство артелей, символическія числа, — все говоритъ о древности здѣшняго рѣчнаго судоходства.... Но вотъ Ладога.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЛАВА III.

Волховъ.

(Окончаніе).

Въ Ладогѣ я оставался ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы взять лошадей и поѣсть ухи изъ знаменитыхъ волховскихъ сиговъ. Скучный, формальный видъ торговаго городка рѣшительно не вызываетъ любопытства. Новая Ладога вполнѣ соотвѣтствуетъ Шлиссельбургу; да берегъ, если можно, кажется, еще ниже.

Весь городъ расположенъ на отмели, на которой прежде, вѣроятно, происходило впаденіе Волхова въ

озеро; но теперь озеро блеститъ вдали, за рядомъ островковъ и рыбачьихъ хижинъ, изъ-за которыхъ выглядываетъ частоколъ мачтъ. Городъ созданъ новою промышленностью и потому утомительно однообразенъ. Только каналъ, въ который прекрасными шлюзами впускается волховская вода, набитый барками, оживляетъ нѣсколько тишину купеческаго городка.

Ухорскій ямщикъ лихо выкатилъ изъ Ладоги, но тотчасъ же за заставой увязъ въ пескахъ, и лошади потащились шагомъ, колеса едва двигались и, шумя, разрѣзали сыпучій песокъ, который, какъ вода, тотчасъ же снова заливалъ наши слѣды. Скоро мы очутились въ совершенной песчаной пустынѣ. Повсюду глубокій, сыпучій песокъ. Изрѣдка, кое-гдѣ, зеленѣетъ жалкая травка, да тамъ и сямъ на обсыпавшихся песчаныхъ буграхъ торчатъ кривыя деревца, держащіяся Богъ знаетъ какими средствами въ этой безжизненной почвѣ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже; и жалкія, приземистыя рощи кривыхъ сосенъ и ёлокъ нисколько не утѣшали насъ. Солнце пекло невыносимо; лошади чуть ступали, побрякивая бубенчиками, и, пользуясь случаемъ, ямщикъ дремалъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти пески занесены сюда Волховомъ. Они совершенно непохожи на тотъ красивый гранитный песокъ, которымъ финляндскія скалы усѣяли берега озера возлѣ Шлиссельбурга. Но теперь Волховъ уже съ незапамятныхъ временъ,

даже весною, не потопляетъ этого пространства, хотя берега его здѣсь очень низки. Основываясь на этомъ, можно предполагать, что эти пески нанесены сюда Волховомъ еще тогда, когда устье его было гораздо выше и западнѣе теперешняго, а воды Ладожскаго озера захватывали болѣе южнаго берега, что, кажется, было не весьма давно, и Старая Ладога (находящаяся теперь верстахъ въ десяти отъ Новой, и слѣдовательно отъ устья Волхова въ озеро) была построена при самомъ устьѣ воды въ Ладожскомъ озерѣ — фактъ, неподлежащій сомнѣнію; только о причинахъ его можно толковать различно. Отъ нечего дѣлать, я прибѣгнулъ было къ общему мнѣнію всѣхъ иностранцевъ, путешествующихъ по Россіи, которые бо́льшую часть дороги любуются своимъ ямщикомъ, и началъ уже находить много художественной красоты въ его медленной граціи, много мысли въ его загорѣломъ, красивомъ лицѣ и много скрытаго чувства въ его свѣтлыхъ, какъ небо, ничего невыражающихъ глазахъ, — какъ вдругъ свѣжій вѣтерокъ, полный роскошной прохлады, пахнулъ мнѣ прямо въ разгорѣвшееся лицо и разбудилъ задремавшаго ямщика.

Налѣво между холмистыми берегами заблестѣлъ Волховъ, а прямо передъ нами зазеленѣли небольшія возвышенности, уступами подымающіяся вдаль. Песокъ началъ мелѣть, покрываться травою, и грунтъ болѣе твердый зазвучалъ подъ колесами нашей телѣги. Ямщикъ и лошади пробудились, и тройка

бодро побѣжала на эти веселые холмы. Передъ нами мелькнула деревня, такъ удачно названная Краснымъ, или Прекраснымъ Островомъ; за нею мы спустились съ бугра только затѣмъ, чтобы потомъ подняться еще выше, и очутились въ Старой Ладогѣ. Это теперь небольшое село Успенское, сохранившее еще нѣсколько свой городской видъ, хоть бо́льшая часть жителей выселена въ Новую Ладогу еще Петромъ Великимъ. Дома раскиданы по холмамъ и окружены садами и огородами. На насъ повѣяло запахомъ малороссійскаго мѣстечка, которому подобное что нибудь такъ трудно отыскать въ Великой Россіи. Все было мирно и тихо вокругъ; промышленность отхлынула далѣе, вмѣстѣ съ водами озера.

Взобравшись на возвышенность, на которой расположена Ладога, я оглянулся назадъ. Изъ подъ ногъ моихъ уходила вдаль до самого горизонта скучная песчаная равнина, покрытая кое-гдѣ пятнами жалкой зелени, и рѣдкіе лѣски торчали тамъ и сямъ. Зеленый валъ, на которомъ я стоялъ, понижался къ западу и разсыпался потомъ въ отдѣльные холмы. Мнѣ невольно пришло на мысль, что этотъ валъ былъ берегомъ острова въ то время, когда возвышенная равнина, ожидавшая насъ впереди, омывалась съ одной стороны Волховомъ, а съ другой водою Ладожскаго озера. За селомъ я сошелъ съ телѣги и взобрался на огромный курганъ, возвышающійся на самомъ берегу Волхова.

Какъ все измѣнилось съ неизнанительнымъ подня-

тіемъ почвы, которая возвышается здѣсь по обѣимъ сторонамъ Волхова, подобно холмистому зеленому острову посреди болотистаго и песчанаго моря! Здѣсь отвсюду вѣяло свѣжестью, миромъ, довольствомъ и полнотой. Взору, утомленному бѣдностью финскихъ болотъ, отрадно было носиться по этой свѣтлой, живой, разнообразной равнинѣ, останавливаться на этихъ холмахъ, округленныя формы которыхъ облиты яркою зеленью, скользить по этимъ долинамъ, раскрывающимся до самого горизонта, и различать тамъ вдали веселыя деревни и кресты сельскихъ церквей, сверкающіе на солнцѣ. Все здѣсь свѣжо, зелено; округленныя формы рощъ такъ не похожи на общипанные, мокрые лѣски, которые мы оставили за собою! Но эта хорошенькая мѣстность всей красотой своей обязана одной природѣ, да еще остаткамъ минувшей жизни, разсыпавшей вокругъ валы, зеленые курганы и развалины. Яркія полосы хлѣбовъ, которыми такъ испещрены разлоги нашихъ центральныхъ равнинъ, здѣсь мелькаютъ только кое-гдѣ, какъ островки на этомъ взволнованномъ морѣ зелени; деревни тоже могли бы быть гораздо чаще. Можетъ быть, каменистая подпочва, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти выглядываетъ наружу, можетъ быть множество эрратическихъ камней, которыми усѣяны вершины здѣшнихъ холмовъ, были причиною такого безлюдія; но всего вѣроятнѣе, что торговая дѣятельность по Волхову и каналамъ увлекла народонаселеніе этого красиваго

уголка. А какъ бы хотѣлось, чтобы все это взволнованное поле наполнилось и заколыхалось тучными жатвами, а всѣ эти граціозные холмы покрылись деревнями! Эта мѣстность какъ будто вырвана изъ центральной Россіи и брошена сюда посреди финскихъ болотъ. Любуясь этимъ красивымъ, чисто-русскимъ ландшафтомъ, я легко понимаю, какое чувство заставило Новгородцевъ остановиться здѣсь, когда они пробились сюда въ первый разъ черезъ псковскіе пески, новгородскія и тверскія болота: человѣкъ такъ любитъ находить на чужбинѣ картины своей родины! Но, выбравъ по чувству, новгородскіе славяне не обманулись и въ расчетѣ, потому что не могли найти мѣста, которое бы соотвѣтствовало болѣе ихъ историческому назначенію. И это не простая случайность: таинственные законы судьбы народа выражены въ формахъ его страны, а непосредственное дѣтское чувство народа — лучшій угадчикъ этихъ законовъ. Народъ выбираетъ мѣсто первыхъ поселеній своихъ подъ вліяніемъ этого непосредственнаго чувства, этой безсознательной любви къ природѣ своей страны, характеръ которой онъ выражаетъ въ себѣ; но, въ то же время, самый умный расчетъ не могъ бы сдѣлать выбора выгоднѣе для народной жизни. Это совпаденіе законовъ исторіи земли и исторіи ея народа легко объяснить: мѣстность красива тамъ, гдѣ она характерна, гдѣ въ формахъ ея, какъ въ гигантскихъ буквахъ, блещетъ мысль, которой вездѣ и во всемъ

ищетъ человѣкъ; а характерна мѣстность тамъ, гдѣ собираются и выражаются яснѣе разнородныя силы страны. Вотъ почему мѣстоположеніе нашихъ древнѣйшихъ городовъ всегда живописно, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ глубокій историческій, географическій и экономическій смыслъ. Кіевъ завладѣлъ послѣднимъ отрогомъ Карпатовъ, послѣднею ступенью въ ту равнину, на которой должна была развиться славянская жизнь въ самостоятельную особенность. Смоленскъ возникъ на послѣднемъ уступѣ холмистой великорусской равнины въ литовскія болота; Владиміръ выбралъ себѣ живописные берега Клязьмы и внесъ славянское владычество въ финскіе лѣса; Москва разлеглась на холмахъ, въ которыхъ сливаются въ гармоническое цѣлое всѣ разнообразные характеры русскихъ мѣстностей; Переяславль глядится въ воды озера, чистаго какъ кристаллъ. Одинъ Ростовъ жмется къ болоту; да и то потому, что основаніе ему положено Финнами. Даже для постройки Юрьева, нынѣшняго Дерпта, Ярославъ выбралъ самую живописную мѣстность, какая только нашлась на однообразной, прибалтійской низменности.

Такъ и здѣсь: среди мрачной финской природы, Славяне отыскали этотъ свѣтлый островокъ, такъ живо напоминавшій имъ ихъ южную приднѣпровскую родину, и посвятили его своему свѣтлому богу Ладо. Какъ должны были радовать сердца ихъ веселыя пѣсни этому мирному, чисто славянскому божеству, посреди безконечныхъ лѣсовъ и болотъ, таинственныхъ и грустныхъ! Я не понимаю, почему

Ладога должна быть необходимо норманской Алдогой, или Альдеаборгомъ, а не городомъ славянскаго Ладо; окончаніе *га* нисколько этому не мѣшаетъ. На нашей сѣверной Украйнѣ норманская, финская и славянская жизнь часто перевиваются въ такіе узлы, которые нелегко распутать.

Альдеаборгъ — старый городъ, въ противоположность Новгороду, Гольмсгардъ — городъ-островъ, и городъ бога Ладо, по одинаковому праву, могутъ быть приложены и, безъ сомнѣнія, прилагались къ этой мѣстности. Припомнимъ только названіе Іомсбурга, этой древней сѣчи, въ которомъ начало *Іомъ*, названіе финскаго божества, соединено съ нѣмецкимъ окончаніемъ *бургъ*, и въ которой подъ этимъ финско-норманскимъ именемъ, скрывается такъ много славянскаго. Такихъ археологическихъ узловъ немало надѣлала извѣстная страсть норманскихъ скальдовъ вносить въ свои саги чужія преданія и приписывать своимъ героямъ чужіе подвиги: они даже изъ Ромула и Рема сдѣлали нѣмецкихъ рыцарей. Что подъ именемъ Новагорода, стоящаго на озерѣ Музіане (Майскъ, впослѣдствіи Ильмень), о которомъ говоритъ Іорнандъ, какъ о самомъ сѣверномъ населеніи Славянъ, должно разумѣть нынѣшній Новгородъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ и въ томъ, что именемъ Стараго города Альдеаборга называлась Ладога; но былъ ли это вмѣстѣ и загадочный Славянскъ—это неизвѣстно. Впрочемъ, Славянскомъ могли называться и Новгородъ и Ладога,

въ то время, когда тотъ или другой изъ нихъ былъ главнымъ сборнымъ мѣстомъ торговаго племени *Славянъ*.

Глядя на эту мѣстность, наполненную развалинами, зелеными курганами и остатками валовъ и стѣнъ, расчитывая, какъ была она важна для той полувоенной торговли, которая усыпала монетами нашъ великій водный путь, чувствуя, какъ льнетъ мое сердце къ этимъ холмамъ и разлогамъ, я невольно убѣждаюсь, что здѣсь былъ одинъ изъ первыхъ постоянныхъ лагерей рѣчныхъ, полу-военныхъ полуторговыхъ дружинъ, когда, двинутыя съ юга, онѣ завладѣли узлами Пейпуса, Ильменя, Бѣла-озера,—узлами, въ которые связываются всѣ водные нервы Россіи. Устроивъ крѣпость въ Ладогѣ, Новгородцы разомъ получили возможность владычествовать надъ финскою окрестностью и закрыть норманскимъ лодкамъ входъ въ свою рѣчную область, потому что въ то время эта возвышенность съ обѣихъ сторонъ была окружена лѣсами и болотами, проходимыми только для бродячихъ Финновъ. Смѣлый Норманнъ, отправлявшійся грабить богатый Асгардъ, не могъ миновать этого рѣчного дефиле и долженъ былъ пройти его подъ градомъ стрѣлъ и камней, которые такъ удобно было сыпать съ высокихъ и утесистыхъ береговъ. Но этого мало: впереди ждали ихъ страшные пороги и они должны были, во чтобы то ни стало, вытащить свои лодки на берегъ или тащить ихъ на веревкахъ, по способу, описанному Оле-

аріемъ. Вотъ почему Новгородцы такъ дорожили этою мѣстностью и, основавъ здѣсь крѣпость, посадили въ ней старшаго князя варяго-русской дружины. Утвердившись въ Ладогѣ, предпріимчивые Новгородцы не остановились, но основали крѣпость и при истокѣ Невы, на островѣ Зеленцѣ — нынѣшній Шлиссельбургъ, и, устроивъ свои сношенія съ ганзейскими городами, очистили этотъ путь отъ разбойниковъ, которые тогда были страшны здѣсь не менѣе, чѣмъ впослѣдствіи въ низовьяхъ Волги. Шведы уже гораздо позже оцѣнили важность этой мѣстности и стремились въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій отнять ее у Русскихъ; они предчувствовали, какая гроза вылетитъ на нихъ изъ этой гавани. Орѣшекъ, какъ центръ всего пути, безпрестанно переходилъ изъ рукъ въ руки, потому что этотъ островокъ былъ ключемъ отъ тѣхъ сокровищъ, которыя такъ вѣрно, такъ заботливо перечислялъ Густавъ-Адольфъ, завѣщая своимъ подданнымъ упорно хранить ихъ отъ Русскихъ. Петръ Великій окончилъ эту тысячелѣтнюю борьбу, начатую Новгородцами еще до Рюрика, и не вдалекѣ отъ первой столицы русскихъ князей основалъ новѣйшую. Такъ исторія наша окончила свой первый полный кругъ, чтобы начать новый, обширнѣйшій. Замѣчу, между прочимъ, что рѣчные острова были любимымъ мѣстомъ славянскихъ дружинъ, да и вообще Славянъ, селившихся по нимъ въ средину чуждыхъ имъ племенъ; таковы Хортица, Черкасскъ, Уральскъ и Та-

мань, Бѣлобережье; таковы Ладога и Орѣшекъ, такова большая часть городовъ въ польскихъ королевскихъ Пруссахъ, таковъ самый Іомсбургъ, относящійся къ Винетѣ, какъ Запорожская Сѣчь къ Кіеву.

Развалины такъ называемой Рюриковской крѣпости лежатъ на самомъ берегу Волхова; онѣ сложены чрезвычайно крѣпко изъ мѣстныхъ матеріяловъ— плитняка и эрратическихъ блоковъ, которыми природа такъ щедро снабдила эту мѣстность. Возлѣ каменныхъ развалинъ видны остатки земляныхъ валовъ, принадлежащихъ, вѣроятно, древнѣйшій крѣпости, о которой говоритъ Несторъ, потому что каменная воздвигнута Новгородцами только въ VII столѣтіи. На этихъ валахъ расположены теперь огороды и смиренно процвѣтаютъ лукъ и капуста. Но всего болѣе поражается вниманіе множествомъ могильныхъ холмовъ, раскинутыхъ здѣсь по обоимъ берегамъ Волхова и не вдалекѣ отъ него, на высокихъ холмахъ. Эти курганы очень правильны и подымаются куполами; нѣкоторые изъ нихъ огромны, всѣ поросли яркою зеленью, а иные — живописными купами деревьевъ. Они краснорѣчиво напоминаютъ, что на этой границѣ славянскаго міра много пролилось и нашей и вражеской крови. Но можно ли сказать навѣрное, кто спитъ подъ этими насыпями? А можетъ быть это только сторожевые холмы, подобные казацкимъ и киргизскимъ, или языческія молельни? Какъ нарочно, рѣшительно всѣ народы,

сталкивавшіеся на русской почвѣ, имѣли обычай увѣковѣчивать курганами память своихъ героевъ. Таинственный Чудинъ, Славянинъ, Норманнъ, Киргизъ, Калмыкъ, Казакъ и Крымскій Татаринъ усыпали курганами русскую землю, и едва ли удастся археологіи отъискать твердые законы, по которымъ можно было бы угадывать различное происхожденіе этихъ таинственныхъ памятниковъ по ихъ внѣшней формѣ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ кургановъ, говорятъ, были разрыты, но въ нихъ нашли только *какіе-то* остатки желѣзныхъ орудій. Бока нѣкоторыхъ кургановъ обвалились въ Волховъ, но кромѣ насыпной земли ничего не видно.

Налюбовавшись на прекрасныя окрестности, набродившись по развалинамъ крѣпости и намечтавшись вдоволь надъ курганами, я снова взобрался на гору, и ямщикъ, успѣвшій къ это время выспаться, снова помчался далѣе.

Дорога идетъ по лѣвому берегу Волхова, все по такой же высокой, холмистой живописной равнинѣ. Въ противоположность другимъ русскимъ рѣкамъ, оба берега Волхова здѣсь высоки и круты, потому что Волховъ не прислоняется къ возвышенностямъ и неподрывается подъ нихъ, какъ, напримѣръ, Волга и Ока и бо́льшая часть русскихъ рѣкъ, не ищетъ обойти ихъ, какъ, напримѣръ, Донъ, но смѣло прорывается сквозь нихъ. Обрывистые берега Волхова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завалены сѣро-зеленоватыми грудами искрошившагося плитняка; но въ дру-

гихъ они возвышаются гладкою, будто выполированною стѣною, испещренною геометрически правильными слоями. Тяжелыя барки чуть движутся по мутной влагѣ. Проѣхавъ мимо Николаевскаго монастыря, за которымъ, на высокомъ холмѣ, еще высится могильный курганъ, мы остановились, чтобъ посмотрѣть ломку плиты. Подъ небольшимъ слоемъ намывной земли, въ которую до половины врылись эрратическіе блоки, идутъ разноцвѣтные слои плиты; они тонки, отдѣляются хорошо и необыкновенно, геометрически, параллельны между собою. Порядокъ ихъ тотъ же, что и при Старой Ладогѣ, который замѣченъ Мурчинсономъ. Работники, начиная ломку, стараются сначала отыскать трещину, которая идетъ вертикально и перерѣзываетъ всѣ пласты. Этотъ отрѣзъ совершенно перпендикуляренъ и необыкновенно гладокъ, наполненъ глиной, въ которой изрѣдка попадаются куски мѣдной руды. Что могло произвести такіе разрѣзы? Неужели подземный ударъ, выдвинувшій эти холмы? Но въ такомъ случаѣ могли ли бы они быть такъ правильны, такъ гладки и самые слои не должны ли бы слѣдовать тогда всѣмъ прихотливымъ пониженіямъ и возвышеніямъ почвы. Но этого не видно; напротивъ, слои, доходя до какого нибудь пониженія почвы, вмѣсто того, чтобъ понижаться вмѣстѣ съ нею, вдругъ пресѣкаются и снова начинаются тамъ, гдѣ почва возвышается, какъ будто этѣ впадины произошли уже послѣ поднятія холмовъ.

Ночевать я остановился въ селѣ Ильинскомъ, гдѣ красивая, новая церковь привлекла наше вниманіе. Она нравится своей простотой и какою-то легкою граціею, которую съумѣлъ придать ей архитекторъ г. Сычовъ, обладающій, какъ видно, тонкимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла. На другой день я спѣшилъ къ знаменитымъ порогамъ. Еще издали слышенъ ихъ шумъ; а подъѣхавъ къ берегу, я увидѣлъ прекрасную картину: вода во всю широту рѣки пѣнилась и клубилась, и хотя пороги нигдѣ здѣсь не образуютъ водопадовъ, но паденіе рѣки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ велико, что вода несется съ быстротой стрѣлы — по выраженію Олеарія — и, ударясь о камни, разлетается въ пыль и пѣну. Довольно одного простаго взгляда, чтобы убѣдиться, что здѣсь рѣка не только встрѣчается съ каменными громадами и пробивается между ними, какъ, напримѣръ, на Днѣпрѣ, но ниспадаетъ по нимъ, какъ по уступамъ. Не знаю, до какой степени вѣрно измѣреніе, которое даетъ Волхову всего не болѣе сорока осьми футовъ паденія; но то, что двѣ трети этой высоты принадлежатъ девяти верстамъ, занимаемымъ этими порогами, нисколько не кажется преувеличеннымъ (*). Все это девятиверстное пространство раздѣляется порогами на нѣсколько площадей, которыя замѣтны для простаго глаза и ле-

(*) Волховъ имѣетъ и еще пороги, но тѣ не такъ значительны, и страшны только своими отмелями.

жатъ одна противъ другой уступами; оттого-то и берега рѣки за порогами значительно ниже, а за Выпдинымъ островомъ спускаются почти до уровня воды, хотя большаго спуска съ того высокаго пространства, по которому мы ѣхали, нигдѣ не замѣтно. Самые опасные пороги — у села Петропавловскаго, которое стоитъ на правомъ берегу; а на лѣвомъ, противъ него, поставленъ каменный крестъ, къ которому, конечно, много взоровъ обращалось съ горячею мольбою.

Спустившись съ крутаго берега, въ которомъ во многихъ мѣстахъ между слоями просасываются ключи, я пробрался по грудѣ плитняку въ рѣку, къ самымъ порогамъ. Сначала отъ шума и блеска воды у меня закружилась голова. Во всю ширину рѣки, въ тысячѣ мѣстахъ, вода кружится, реветъ, бьетъ ключемъ и пѣнится, и это тѣмъ болѣе поражаетъ, что рѣшительно не видно достаточной причины такому бѣшенству волнъ: кажется, какъ будто волны выбрасываются снизу какимъ-то подводнымъ волканомъ. Гряды почти нигдѣ не выглядываютъ наружу, а только видны шевелящіяся, прибитыя по нимъ груды разбитой плиты. Этой плиты здѣсь такъ много, что не мѣшало бы ее вытащить. Еще со времени Петра Великаго начались попытки расчистить какъ эти, такъ и другіе пороги Волхова; но всѣ эти попытки оказались болѣе или менѣе безуспѣшными, а произведенные при Екатеринѣ II опыты показали, что простое уничтоженіе пороговъ ведетъ

за собою обмеленіе Волхова и вслѣдствіе того появленіе новыхъ камней, новыхъ пороговъ. Обводный каналъ также едва ли здѣсь возможенъ, судя по высотѣ береговъ и по мелководью и слабому паденію Волхова. Несчастные случаи не рѣдки; но самый важный убытокъ происходитъ отъ замедленія, потому что незначительный боковой вѣтеръ дѣлаетъ проходъ невозможнымъ. Гряды пороговъ слѣдуютъ недалеко одна за другою, а проходы сквозь каждую изъ нихъ лежатъ то у одного, то у другаго берега, такъ что барку должно поворачивать быстро и управлять поперегъ теченія, а потомъ направлять въ самыя ворота, тогда какъ нѣкоторыя изъ нихъ не болѣе какъ на вершокъ шире тяжелыхъ, неуклюжихъ и утлыхъ барокъ, постройку которыхъ тщетно старался улучшить Петръ Великій. Опытность, ловкость, сила и смѣтливость тамошнихъ лоцмановъ изумительны. Это искусство передается наслѣдственно отъ отца къ дѣтямъ, и имъ занимается, съ незапамятныхъ временъ, нѣсколько прибрежныхъ деревень. Еще въ договорѣ Ганзы съ Новгородомъ, въ 1269 году, упоминается о платѣ, которую должны были давать иностранные гости лоцманамъ. Въ лодкахъ чрезъ пороги перевозятъ женщины, и такъ ловко, что каждый безъ боязни можетъ ввѣрить себя этимъ волховскимъ нереидамъ. Пороги еще замѣчательны въ томъ отношеніи, что по сю сторону ихъ (къ Ладожскому озеру) почти совершенно не видать окаменѣлостей, тогда какъ по другую ихъ

сторону до Вындина острова огромные куски плиты состоятъ насквозь изъ однѣхъ сплющенныхъ раковинъ. За Вындинымъ островомъ, гдѣ берега Волхова снова понижаются, исчезаютъ и обломки плиты и окаменѣлости, такъ что послѣднія можно находить не болѣе, какъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ, — но за то въ изумительномъ изобиліи. Прибрежные крестьяне, отъ нечего дѣлать, часто, сидя на берегу, вытаскиваютъ ихъ изъ песку, дивуются имъ и даютъ характерическія названія этимъ *ракушкамъ*.

—

Глава IV.

За Волховомъ.

Я переѣхалъ рѣку у Гостинопольской пристани, названіе которой напомнило мнѣ, что здѣсь ганзейскіе гости расплачивались съ лоцманами, и отправился прямо въ середину волока, между Сясью и Волхомъ, въ село Усадище. Еще съ полверсты провожали меня веселые волховскіе холмы; но потомъ телѣга покатилась по проселочной дорогѣ, ровной и гладкой какъ ладонь. По обѣ стороны засѣменилъ рѣденькій хвойный лѣсокъ, плохо прикрывавшій ржаную землю съ бѣдной болотной расти-

тельностью. Мѣстность казалась гораздо ниже той, которую я оставилъ позади, хотя я нигдѣ не замѣтилъ значительнаго спуска; а ряды эрратическихъ блоковъ, которые обыкновенно располагаются только на возвышенностяхъ, и глубокія русла рѣчекъ показывали ясно, что я нахожусь по прежнему высоко надъ уровнемъ Ладожскаго озера. Этѣ рѣчки, вѣроятно, были прежде весьма значительны, а теперь онѣ едва-едва пробираются по грудамъ камней, въ крутыхъ и высокихъ берегахъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, подъ прекраснымъ дерномъ таится хорошая плита, а можетъ быть и каменный уголь, небольшіе куски котораго недаромъ попадаются иногда въ Волховѣ. Посреди безпрерывнаго, надоѣдающаго лѣска тамъ и сямъ попадаются прогалины, занятыя тощими лугами и плохо обработанными рыжеватыми полями. Онѣ расположены не смежно, но раскиданы безъ всякаго порядка и не предвѣщаютъ близкаго появленія деревень, потому что находятся отъ нихъ въ неопредѣленномъ разстояніи и гдѣ попало. Эта странность прежде всего бросается въ глаза тому, кто привыкъ видѣть въ центральной Россіи поля, разстилающіяся разноцвѣтными коврами вокругъ селъ и деревень, расположенныхъ по скатамъ холмовъ, вершины которыхъ украшены рощами. Такое безпорядочное расположеніе полей, конечно весьма некрасиво для глазъ и вредно для хозяйства, но тѣмъ не менѣе оно очень характерно и имѣетъ историческій смыслъ. Чудскія племе-

на, эти аборигены лѣсистыхъ болотъ, бродили по нимъ, занимаясь охотой, рыбной ловлей, а иногда торговлей. Они не пренебрегали и земледѣліемъ, но только не рѣшались отказаться ради его отъ своихъ бродячихъ привычекъ, безъ которыхъ и Финнъ не Финнъ. Останавливаясь на время, они строили свои юрты-избы, прототипы нашихъ курныхъ избъ; выжигая лѣсъ, засѣвали эти огнища и пали, и покидали ихъ до осени; а осенью, возвращаясь со своихъ охотничьихъ промысловъ, собирали хлѣбъ и потомъ снова брели далѣе. Палласъ и Лепехинъ застали еще остатки такого хлѣбопашества на лѣсистыхъ вершинахъ средняго Урала. Нѣчто подобное, но съ степнымъ характеромъ, сохранилось доселѣ у Киргизовъ и Башкировъ.

Новгородцы, съ незапамятныхъ временъ проникшіе по Ильменю и Волхову въ самый центръ финскихъ кочевьевъ, пришли сюда не племенемъ, какъ проникали другія славянскія племена на сѣверо-востокъ Россіи, но дружиной, ватагой, отправившейся на промыслы въ безвѣстные края. Сборнымъ мѣстомъ они назначили Ладогу или Новгородъ, а сами разбрелись отдѣльными артелями по безпредѣльной равнинѣ, богатой рѣками и лѣсомъ. Проживая иногда за 1000 верстъ отъ своего господина Великаго Новгорода, эти дружины видѣли въ немъ или въ одномъ изъ его пригородовъ свою настоящую отчизну, по образцу которой строили свои маленькія автономическія селенія и промышляли въ окрест-

ности. Такимъ образомъ, живя въ волости Великаго Новгорода, они смотрѣли на свои села и деревни какъ на временныя становища промышленника, и потому не заботились объ ихъ улучшеніи, объ обработываніи земли и сохраненіи лѣсовъ. Они усвоили себѣ легкій финнскій способъ земледѣлія и если не перемѣняли своихъ жилищь такъ часто, то мѣняли свои поля, какъ скоро растительная сила ихъ, возбужденная пепломъ деревьевъ и болотныхъ растеній, истощалась. Этотъ способъ обработки продолжался бы и до сихъ поръ, еслибъ правительство не остановило такого безпощаднаго истребленія лѣсовъ. Поля не мѣняются уже болѣе, но они остались тамъ, гдѣ застала ихъ благодѣтельная мѣра. Впрочемъ, здѣшніе крестьяне мало и заботятся о земледѣліи: промыслы поглощаютъ по прежнему всю ихъ дѣятельность; только центромъ ихъ является уже не Новгородъ, а Петербургъ. — Пока эти мысли бродили у меня въ головѣ, телѣга наша совершенно неожиданно вынырнула изъ лѣса, и я, невидавшій ни неизбѣжныхъ огородовъ, ни ригъ, ни амбаровъ на курьихъ ножкахъ, въѣхалъ прямо въ широкую улицу, по обѣимъ сторонамъ которой чинно стояли каменные и деревянные домики городской архитектуры: крыши покрашены заново; на свѣтлыхъ окошкахъ гардины, цвѣты и гипсовыя статуетки. Это село Усадище; но оно меньше похоже на село, чѣмъ иные уѣздные города, которые не могутъ сбросить своего деревенскаго костюма.

А здѣсь наоборотъ : потомокъ промышленнаго Новогородца лишь только немножко пообживется, то такъ и смотритъ въ горожане : ни садовъ, ни пчельниковъ, ни даже порядочныхъ огородовъ, съ которыми не можетъ разстаться ни курскій, ни черниговскій мѣщанинъ. Впрочемъ и природа этой мѣстности такъ бѣдна, такъ однообразна, что нѣтъ уголка, къ которому можно было бы привязаться и на которой можно бы съ любовью истратить деньги, нажитыя въ промыслѣ. На мужчинахъ или синіе кафтаны, или длиннополые сюртуки, даже пальто, которое больше другого нѣмецкаго платья пришлось по нраву русскому человѣку; неуклюжія круглыя фуражки вытѣсняютъ граціозную новгородскую шапочку съ коротенькой тульей, которую нельзя иначе носить, какъ на бекрень. Женщины — въ нѣмецкихъ платьяхъ, платкахъ, повязанныхъ по купечески.

Я заѣхалъ къ знакомому крестьянину; онъ ведетъ порядочный торгъ и живетъ бариномъ: изрядное зеркало въ рамкѣ краснаго дерева, стѣнные часы, гравюры по стѣнамъ, неудобная, но красивая мебель.

— А хорошо ваше село, Петръ Кондратьевичь, сказалъ я хозяину : — мнѣ еще не приводилось видѣть такого. И видно, что люди живутъ трудящіеся.

— Да-съ! сказалъ онъ, пріосанившись и наливая мнѣ чай въ красивую фарфоровую чашку : — да-съ!

Оно, конечно, трудъ дѣло важное, да и съ трудомъ то ничего не возьмешь, коли смѣтки нѣту; ну, да и удача-то дѣло не послѣднее. А мы за все Питеру спасибо...

Слово за слово, и я узналъ отъ него, какъ живутъ и чѣмъ промышляютъ жители этого уголка.

Всякаго въѣзжающаго въ Петербургъ, вѣроятно, поражаетъ та странность, что такой богатый, такъ много проживающій городъ почти не имѣетъ предмѣстій; причина этого—дешевизна и удобство сообщеній, и предмѣстія Петербурга—здѣсь за двѣсти верстъ отъ него. Почти все народонаселеніе этой мѣстности живетъ столицею, и для столицы, тѣми промыслами, которыя даетъ она. Эти промыслы крестьяне добросовѣстно раздѣлили между собою по селеніямъ, или округамъ. Такъ, одинъ округъ занимается выпойкой телятъ и отправляетъ ихъ цѣлыми сотнями на баркахъ въ Петербургъ; другой весь состоитъ изъ коноваловъ, и сынъ идетъ бродить съ мѣдной бляхой на груди туда, гдѣ бродилъ его отецъ; третій даетъ барочниковъ на Волховъ и каналы; четвертый — рулевыхъ на тихвинки; пятый — лоцмановъ для провода судовъ черезъ пороги, и такъ далѣе. Каждый кругъ занимается своимъ промысломъ, не вмѣшиваясь въ чужое, и этотъ промыселъ передается наслѣдственно, до тѣхъ поръ, пока какой нибудь предпріимчивый геній не найдетъ новой отрасли промышленности и не проложитъ новой, болѣе выгодной дороги.

Къ вечеру я выбрался изъ Усадищь, по дорогѣ въ село Мотохово, которое лежитъ верстахъ въ 40-ка отъ него далѣе къ югу, въ глубь этого небольшаго волока, между притоками Сяси и Волхова. За селомъ снова потянулись, по обѣимъ сторонамъ дороги, рѣдкіе лѣски, рыжеватая почва и разсѣянные клочки полей и луговъ. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ лѣсъ становится гуще, болота мокрѣе и дорога хуже; по всему было видно, что я забирался въ порядочную глушь. Наконецъ, промоины и колеи стали такъ глубоки, что не было никакой возможности усидѣть въ тряской телѣгѣ, которая хотя прыгала какъ мячь, но подвигалась очень медленно. Я пошелъ пѣшкомъ, пробираясь по полу-сгнившимъ деревьямъ и хворосту, которыми когда-то была вымощена эта болотная лѣсная дорога. Только при приближеніи къ рѣчкамъ мѣста становятся суше и грунтъ тверже, а вмѣстѣ съ тѣмъ болотныя травы замѣняются луговыми. Это вліяніе рѣкъ на осушеніе почвы и на растительность замѣтно и здѣсь, хотя далеко не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно является въ нашихъ при-уральскихъ губерніяхъ, гдѣ рѣки съ своими притоками составляютъ настоящую систему каналовъ, осушающихъ почву. Отъ этого, въ этой сторонѣ только по берегамъ значительныхъ рѣкъ можно забраться въ самую средину болотъ и найти мѣста, удобныя для жилья и полей.

Разсуждая такъ съ самимъ собою, я опередилъ нѣсколько телѣгу и бодро подавался впередъ, какъ

вдругъ вниманіе мое привлекла грустная пѣсня, раздававшаяся впереди. Я ускорилъ шаги, но пѣсня вдругъ прекратилась, и я увидѣлъ высокую фигуру Тотемца, того самаго, съ которымъ я познакомился на трешкотѣ. Увидѣвъ меня, онъ пріостановился.

— А, старый знакомый! скоренько же ты ходишь, сказалъ я ему, посматривая съ изумленіемъ на его тяжелую суму и босыя, израненныя ноги.

— Здравствуй, господине! проговорилъ онъ, своимъ кроткимъ, дѣтскимъ голосомъ. — А ты видьно, у Ильи ноціоваў.

— А ты, видно, нигдѣ не ночевалъ?

Онъ не отвѣчалъ на мой вопросъ, и только улыбнулся. Эта свѣтлая улыбка странно отразилась на этомъ суровомъ, страшно худомъ лицѣ, изрытомъ оспою и преждевременными морщинами, похожими болѣе на швы и рубцы залеченныхъ ранъ, нежели на тѣ легкія черточки, которыми покойная старость оттѣняетъ лицо человѣка. Эта улыбка странника, его кроткіе голубые глаза, его почти дѣтскій нѣжный голосъ показывали въ немъ одного изъ тѣхъ людей, которымъ крестьяне даютъ названіе *людей Божьихъ*, и у которыхъ сердце слишкомъ кротко и мягко, чтобы вынесть грубую жизнь; впрочемъ, твердая, разумная рѣчь странника были вовсе не похожи на безсвязный лепетъ юродивыхъ.

— Это ты пѣлъ пѣсню? спросилъ я Тотемца.

— Да, господине, отвѣчалъ онъ, немного сму-

тившись. И самъ не вѣдаю, цióго то сердióцько больно засцióмило; прости Господи!

И онъ набожно перекрестился.

— Видно по сióлу, по родимому, прибавилъ онъ задумчиво, будто отъискивая самъ, отчего ему стало грустно.

— Чтó же, развѣ тебѣ здѣшняя сторона не нравится?

— Ой, чтò ты, господине? Богъ съ тобою! Увездѣ люди, увездѣ христiане и храмы Божiи; а такъ сгрустнулось, самъ не вѣдаю цióго.

Я напомнилъ ему, что онъ обѣщалъ мнѣ разсказать, зачѣмъ онъ взялся за свою странническую роль, и онъ разсказалъ мнѣ исторiю своей жизни съ такою простотою, съ такою безпощадностiю къ самому себѣ, съ такою снисходительностью къ слабостямъ другихъ, что я невольно вѣрилъ каждому его слову и удивлялся тому чувству приличiя, съ которымъ высказывалъ онъ самые темные случаи своей жизни. Я не записалъ тогда же этого разсказа, а теперь не могу уже повторить его, тѣмъ болѣе, что странное, смѣшанное нарѣчiе, которымъ онъ разсказывалъ, весьма мало знакомо мнѣ. Да и имѣю ли я право передавать всѣмъ эту откровенную исповѣдь человѣка, который рѣшился не скрашивать ничего, высказывать все и не щадить себя ни на словахъ, ни на дѣлѣ? Скажу только, что въ молодости онъ сдѣлался случайно обладателемъ большой суммы денегъ и предался самому безграничному разгулу, не

внимая никакимъ увѣщаніямъ своего отца и родныхъ. Въ чаду этого разгула онъ сдѣлалъ проступокъ, за который совѣсть мучила его безпощадно. Она преслѣдовала его вездѣ, не покидая ни на минуту, и онъ нашелъ покой и прибѣжище только въ посвященіи своей жизни прославленію имени Божія. Четвертая церковь строилась трудами его. Я смотрѣлъ на него съ невольнымъ чувствомъ умиленія: такая твердость воли, такое постоянство сознанія своего проступка, такая глубина чувства ставили этого человѣка на неизмѣримое разстояніе отъ нашихъ легкихъ, забывчивыхъ натуръ.

Когда мы вышли изъ лѣсу, передъ нами открылась довольно гладкая дорога, и телѣга моя подъѣхала. Я предложилъ моему спутнику довезти его до Мотохова, куда и онъ также пробирался; но онъ отказался и побрелъ, тихо читая какую-то молитву.

Чрезъ нѣсколько минутъ я обернулся назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на Тотемца; но его уже не было на дорогѣ, и высокая фигура его виднѣлась въ сторонѣ у опушки лѣса. Можетъ быть, онъ захотѣлъ завернуть въ одинъ изъ тѣхъ скитовъ, которые, какъ говорятъ, находятся не вдалекѣ отъ сюда, въ самой глуши лѣсовъ.

Уже совершенно смерклось, когда я въѣхалъ въ деревню, гдѣ должно было перемѣнить лошадей; но дорога такъ утомила меня, что я рѣшился немного отдохнуть.

На другой день солнце еще поднималось, когда я отправился далѣе. Лѣса и болота еще гуще, а окрестности еще грустнѣе и пустыннѣе; но при въѣздѣ въ область рѣчки Черной (въ Волховъ) и ея многочисленныхъ притоковъ, почва сдѣлалась суше и тверже, поля и деревни стали попадаться чаще; но по прежнему онѣ разбросаны безъ всякаго порядка. Это явленіе, о которомъ я уже упомянулъ выше, напомнило мнѣ теперь нѣкоторыя мѣстности нашихъ при-балтійскихъ губерній; но тамъ разбросаны по лѣсамъ отдѣльныя лачуги, а здѣсь — зажиточныя деревни и богатыя села. Уединяющій, разбрасывающій характеръ нашей сѣверной полосы, столько препятствовавшій развитію безчисленныхъ народцевъ слабаго чудскаго племени и бывшій даже причиною ихъ исчезновенія, не могъ одолѣть духа новгородскихъ промышленниковъ, а только придалъ особенность ихъ поселеніямъ, такъ что здѣсь появляется особый географическій типъ, не встрѣчающійся ни въ нашихъ при-уральскихъ лѣсахъ, гдѣ славянское племя раскинулось по рѣкамъ родами и семьями, ни въ тѣхъ пространствахъ, гдѣ разъединяющая сила природы раздробила чудскія племена, несмотря на то, что внѣшній натискъ заставлялъ ихъ сближаться. Я не сравниваю этой мѣстности съ мѣстностями центральной и южной Россіи, съ которыми нѣтъ у ней почти ничего общаго.

Настоящій географическій типъ страны выходитъ всегда изъ борьбы характера мѣстности съ харак-

теромъ ея населенія. Прослѣдить эту борьбу, анализировать элементы этихъ типовъ и комбинировать ихъ въ одно гармоническое цѣлое, проникнутое историческою и философскою мыслію,—вотъ дѣло географіи, если она хочетъ быть наукою самобытной и получить предѣлы, которыхъ ей пока недостаетъ.

Еще рано по утру я добрался до села Мотохова, которое стоитъ почти въ серединѣ области рѣчки Черной. Этой рѣчкѣ, богатой притоками, обязанъ весь этотъ полу-осохшій островокъ своимъ населеніемъ; далѣе на югъ и западъ опять тянутся безконечныя, непроходимыя болота. Въ Мотоховѣ телѣга моя остановилась на большой площади, окруженной со всѣхъ сторонъ деревенскими домами, высокими, островерхими, съ деревянными крышами, бревенчатыми крыльцами на боку, съ хлѣвами внизу: городская архитектура еще не проникла сюда. По срединѣ площади, возлѣ маленькой деревянной и ветхой церкви, строилась новая — каменная. День былъ праздничный: крестьяне изъ Мотохова и окрестныхъ деревень собрались вокругъ новой церкви, и такъ какъ обѣдня еще не начиналась, то всѣ, даже старики, женщины и дѣти, таскали кирпичъ и известку, не боясь запачкать своихъ праздничныхъ нарядовъ. Дѣло шло такъ быстро, такъ охотно и такъ весело, что я невольно припомнилъ тѣ *обыденные* храмы, которые выстраивались въ одинъ день, въ годины радости или бѣдствій народа.

По обширности основанія новой церкви, стѣны которой уже выведены выше оконъ, можно судить, что постройка ея обойдется не менѣе тридцати пяти тысячь рублей серебромъ; а между тѣмъ мѣстное духовное начальство не усомнилось заложить ее, имѣя въ кассѣ прихода не болѣе трехъ тысячь рублей.

И оно не обманулось: крестьяне наложили на себя ежегодное пожертвованіе и взялись доставлять матеріалы; лѣсъ дала казна; купцы, узнавъ, что дѣло шло о постройкѣ церкви, отпускаютъ известку и плиту за половинную цѣну, а иные и даромъ; искусные костромскіе каменьщики работаютъ такъ прилежно, съ такимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ своему дѣлу, что постройка идетъ быстро и прекрасно, несмотря на то, что архитекторъ — тотъ самый, который строилъ церковь Ильинскую — можетъ только изрѣдка пріѣзжать изъ Петербурга въ такую даль. Церковь ростетъ быстро, стройно и прочно, а маленькій капиталъ почти не уменьшается, пополняясь безпрестанно новыми приношеніями. Такимъ-то образомъ въ Россіи возстаютъ великолѣпные храмы и въ небогатыхъ селеніяхъ. Всѣ смотрятъ на это какъ на святое дѣло, прихожане видятъ въ немъ кромѣ того славу и гордость своего селенія, и потому удивительно ли, что дѣло идетъ такъ хорошо и скоро?

Въ Мотоховѣ я увидѣлъ въ первый разъ Корелокъ, которыхъ привелъ кто-то изъ Тверской губерніи мѣ-

сить глину и дѣлать кирпичъ. Это племя, переселенное уже такъ давно въ средину Русскихъ, почти не утратило своей національности. Я не знаю навѣрное, но думаю, что Корелы поселены были деревнями въ одномъ мѣстѣ, и это мѣшало ихъ смѣшенію съ туземными жителями.

Мотохово и деревни одного съ нимъ прихода всѣ торгуютъ телятами, выпаивая ихъ и потомъ отправляя на барки. Въ Усадицѣ всѣ коновалы, здѣсь — всѣ телятники.

На другой день по утру я выѣхалъ изъ Мотохова и тѣмъ же путемъ воротился въ столицу.